

Пролог. Крутая девушка

Я вижу его каждый день в окне дома напротив. Он – самый крутой парень в моей новой школе. Красавчик, от которого все без ума. Опасный одиночка, который меня не замечает.

Не думала, что наши пути пересекутся, но однажды он спас меня от одноклассниц, решивших превратить мою жизнь в ад. И сказал всем, что я – его девушка. Да еще и украл мой первый поцелуй при всех!

Никто не смеет тронуть меня, ведь никто не рискнет с ним связываться. Взамен я должна буду делать все, что он скажет. Стану настоящей служанкой и репетитором в одном лице на целый год! Я терпеть его не могу, но вынуждена подчиниться...

Пролог. Крутая девушка

На заброшенном аэродроме за городом этой августовской ночью собралось немало людей. Часть из них приехала веселиться и делать ставки. А часть – участвовать в нелегальных гонках.

Раньше гонки проходили в другом месте, на заброшенной трассе, но пришлось «переехать» из-за проблем с полицией.

Новое место было дальше от города, но не хуже. Организаторы уверяли, что менты сюда не сунутся. Частная территория и все такое, катать можно без проблем. К тому же и мини трибуны тут есть. И даже VIP-места для мажоров. Удобно.

Гремела музыка, ярко светили прожекторы, отражаясь на боках машин и хромированных деталях мотоциклов, в воздухе носился запах жженой резины. Кто-то разговаривал и смеялся, кто-то накачался какого-то дерьма и танцевал под мелодичный бит, кто-то дрифтил – на каждой гонке находились те, кто уходил в занос, считая это крутым занятием.

Одна из машин стала импровизированной сценой – на ней вызывающе танцевали две девушки, одетые в откровенные наряды. На них с ухмылочками пялились все стоящие рядом парни.

Однако стоило пройти мимо другой девушке, одетой в слитную женскую мотоэкипировку, как парни сворачивали головы, провожая ее взглядами.

Невысокая, стройная, с распущенными светлыми волосами и милым личиком. В полной экипировке – черный комбинезон с белыми вставками и защитой. Внедорожные ботинки в цвет, перчатки, шлем с кошачьими ушками в руке. Сама хрупкость, только вот глаза кажутся решительными.

Ну разве должна такая участвовать в гонках наравне с парнями? Как она вообще управляет байком?

- Познакомимся, крошка? – нахально спросил один из парней, когда она проходила мимо. Высокий, с рыжими волосами и скуластым лицом. ВИП-гость.

Девушка лениво развернулась и показала ему средний палец.

- Как грубо, - хмыкнул он, но она не стала отвечать. Пошла дальше.

Тогда парень больно схватил ее за руку.

- Эй, давай познакомимся!

- Не хочу. Отпусти, - тихим голосом сказала девушка.

Ее глаза сверкнули. Синие, точно предгрозовое небо. Дерзкие.

Он таких любит. Любит ломать их гордость, затыкая ротики долларовыми купюрами.

- Не поняла? Сказал же – хочу познакомиться. Ты мне понравилась, байкерша. Хочешь со мной повеселиться? Заплачу.

Стоявшие рядом парни заржали. Знали, что у рыжего папаша – крутой бизнесмен, да еще и депутат. Балует сыночка, а тот делает, что хочет. И покупает, кого хочет.

- Отпусти. Третий раз повторять не стану, - предупредила девушка.

- Да ладно тебе ломаться. Давай повеселимся, - ухмыльнулся парень и потянулся за поцелуем. – Ты ведь горячая, да? Сделаешь мне хорошо?

- Сделаю.

На лице девушки появилась недобрая улыбка. Одним жестом она достала перцовый баллончик и брызнула ему в лицо.

Заорав, рыжий отпустил ее и начал тереть глаза, которые будто горели.

- Тварь, мразь! – кричал он. – Найду тебя, прикончу! Стерва тупая! Да ты вообще знаешь, кто я такой?! Да ты знаешь, что я с тобой сделаю?!

К нему подскочили помощники организаторов. У одного из них была бутилированная вода – ею рыжий парень спешно стал промывать глаза, продолжая выкрикивать угрозы.

Стоящие рядом наблюдали за всем этим и посмеивались. В отличие от рыжего им было весело. А девушке было плевать на его угрозы. Она пошла дальше – в предстартовую зону, где ее ждал байк.

Ее нагнал главный орг – Гремлин.

- Полина, ты с ума сошла? – с укоризной спросил он. Но с вежливой укоризной. Портить отношения с той, которая приносила кучу бабла, он не хотел.

- Я просил отпустить, - спокойно ответила она.

- Этот чел постоянно просаживает тут деньги. ВИП-персона и все такое. Будь тактичнее, а?

- Гремлин, - Полина насмешливо глянула на орга, - откуда тут ВИП-персоны? Сборище идиотов, которым некуда спускать родительские деньги.

- Какая нам разница? – пожал тот плечами. – Да и вообще, по твоей логике, дорогая, тут все идиоты, которым нечего делать.

- Я здесь ради скорости, - нахмурилась она.

- Ты здесь ради него, - возразил Гремлин. - Ради Барса.

Полина резко остановилась. Будто это слово – Барс – было для нее табу.

Ее губы плотно сжались. В глазах появилась пустота.

- Делая то же, что делал он, думаешь, что становишься к нему ближе, - продолжал Гремлин. – Мне это знакомо, поверь. Я ведь тоже терял близких, как и ты Барса.

- Я просила не говорить о нем, - процедила сквозь зубы Полина.

- Прости, прости. Не подумал. Просто мы все знаем, что вы...

- Заткнись.

- Окей. Окей. – Поднял ладони вверх Гремлин. – Молчу. Просто не делай больше ничего подобного. Тебе стартовать скоро, - посмотрел он на часы. – Удачи, малая!

- Я не малая.

- Ладно, удачи, здоровенная, - хмыкнул Гремлин, зная, что этой странной девчонке удача не потребуется – она и без нее справится. Обойдет всех соперников. Как сделал бы это Барс.

Жаль, что его больше нет. Хороший был пацан. Со своей дурью в башке, зато с характером. Волевой, упорный. Эта Полина будто бы стала им. Своим любимым Барсом. Не девочка, а кремень.

Полина убрала волосы и надела мотошлем. Затем привычно села на байк и подъехала к стартовой линии, нарисованной на асфальте белой краской. Удивительно, но на мощном мотоцикле хрупкая девушка смотрелась хорошо. Наверное, все дело было в уверенности, которая исходила от нее.

Полина знала, что победит. Она любила скорость, и та отвечала ей взаимностью. Всегда была на ее стороне. Стала ее талисманом, ее крыльями. И заменила пустоту в сердце.

Соперником Полины был парень – высокий тип с мощными бицепсами, украшенных грубыми татуировками. Он эффектно вырулил к старту под крики зрителей. Рядом с девушкой он смотрелся настоящей скалой. И казалось бы, что может сделать она, маленькая и хрупкая, рядом с таким, как он? Ничего. Но это только на первый взгляд. Завсегда и гонок как один поставили на Рысь – так называли Полину в узких кругах. Знали, на что она способна.

- Проиграешь, куколка, - улыбнулся накачанный тип Полине.

В его глазах было снисхождение. Он был уверен, что победит. Он же мужик, а она – девчонка.

- Не думаю, пупсик, - в тон ему ответила девушка.

- А ты дерзкая, - усмехнулся он.

- А ты тупой.

- Может, поспорим? Проиграешь, переспим. Тебе понравится. Я умею делать девочкам хорошо. Потом еще попросишь.

Полина рассмеялась, откинув назад голову.

- А если ты проиграешь, пупсик? Что тогда сделаешь?

- Что захочешь, - расплылся в улыбке качок.

- Вот как? Тогда отдашь свой мотоцикл. Как тебе?

- Идет, - легко согласился он. И Полина тут же подняла руку, призывая к себе Гремлина, стоящего неподалеку. Несколько слов, и он весело объявил в микрофон их ставки. Зрители с шумом поддержали их. Им хотелось веселья, мяса! Ради этого они и пришли сюда. Ради этого делали ставки!

Полина закрыла защитное стекло и крепко взялась за руль.

Вперед вышла грид-герл в мини-юбке и полупрозрачном топике. Местная королева гонок, которая Полину терпеть не могла. Считала, что та хочет увести ее звание. Она приняла эффектную позу, срывая крики парней, и опустила белые флажки.

Мотоциклы с ревом сорвались с места под шум зрителей. Нужно было проехать несколько кругов по овальной трассе, которая появилась стараниями оргов на территории аэродрома. Два прямых участка, два левых поворота. Никаких препятствий. Все просто.

Гремлин гордо говорил, что это спидвей – один из видов мотоциклетного спорта, соревнования, проводимые на эллиптическом треке. Но это была дикая чушь. Ничего общего со спортом нелегальные гонки не имели. Они проводились только ради денег. А участвовали в них либо такие, как Полина, - находящие в скорости свой кайф. Либо безбашенные придурки, которым, как правило, некуда было девать деньги.

Полина играючи вырывалась вперед еще на первом круге. Она уверенно держала руль и мчалась вперед, оставив противника позади. Сколько бы тот ни пытался ее нагнать – не получалось.

Первый круг. Второй. Третий.

Ветер в лицо, разгоряченная кровь, скорость, от которой кружится голова. Адреналин. Неуловимый вкус свободы. И ощущение крыльев за спиной – Полине казалось, будто она летит.

Четвертый, пятый...

Вдоль трека и на трибунах кричат зрители. Они смотрят на гонки, как на шоу, пьют дорогой алкоголь, снимают на камеры. Ждут победителя, чтобы понять, проиграли они сегодня или выиграли.

Шестой.

На седьмом, заключительном, Полина финишировала первой. Иначе и быть не могло. Ее приветствовали радостными криками. Но она не обращала на них внимания.

Когда приехал качок, девушка сидела на байке, поставив одну ногу на землю, а другой упираясь в подножку. И улыбалась.

- Твою мать! – только и выдал он, понимая, что проиграл девчонке.

- Ключи, - пошевелила пальцами в воздухе Полина.

- Какие ключи?

- Ну как какие? – склонила она голову на бок. – От твоего мотоцикла. Или забыл, пупсик?

Ее слова звучали издевательски.

- Ты офигела? В курсе, сколько мой зверь стоит? – рассердился парень.

- Конечно знаю, - улыбнулась она. – Поэтому и попросила. А ты согласился. Сам, заметь.

- Стерва, - скрипнул он зубами.

- Ты проиграл спор, - появился словно из ниоткуда Гремлин с широкой улыбкой. – Советую

выполнить то, что обещал. Иначе будет нехорошо. Нашим гостям не понравится твое поведение, друг.

Выругавшись, качок кинул Полине ключи от мотоцикла, и та ловко их поймала. Реакция у нее была отменная.

- Подавись, тварь, - прошипел парень, понимая, что его развели.

- Тебя никто не просил открывать пасть и нести чушь про постель, - резко сказала Полина. – За свои слова нужно отмечать, пупсик.

С этими словами она небрежно кинула ключи на землю ему под ноги.

- Твое дерьмо мне не нужно.

С этими словами Полина села на свой байк и, заведя его, проехала мимо зрителей, которые приветствовали ее.

Провожая ее взглядом, Гремлин только головой покачал. Он бы ключи не вернул. Но это же Рысь.

- Кто она такая? – непонимающе спросил качок.

- Самая крутая девушка, которую я знаю, - ответил Гремлин, глядя ей вслед. На старт уже выходили следующие участники. Веселье продолжалось.

Полина отогнала байк на обочину, забрала причитающиеся ей деньги, но снова сесть на байк не успела. Увидела, как на дороге прямо перед ней затормозила алая спортивная машина. Из нее вышел Руслан. В университете его никто не называл Лаймом. Только по имени.

Увидев Полину, Руслан перегородил ей путь.

За эти три года он стал шире в плечах, казался более мужественным и стригся коротко, выбривая виски и укладывая светлые волосы гелем. Но на лице все так же оставалось недовольное выражение.

- Ты опять участвуешь в гонках? – спросил он тихо, не сводя пристального взгляда с девушки.

- Опять. И что? – равнодушно пожала она плечами.

- Я же просил, хватит! Ты не должна участвовать в гонках! – выкрикнул он.

- Ты? – Глаза Полины сверкнули в свете прожектора, словно осколки синего стекла на солнце. – Ты просил меня не делать того, чем занимался сам?

- Я был идиотом. Занимался фигней, - сердито сказал Руслан.

- Ты просто никогда не выигрывал, - хмыкнула Полина.

- Твоя мать волнуется из-за тебя.

- И что дальше?

- Не хочешь встретиться с ней? – Взгляд Руслана обжигал ее. Но Полине было все равно.

- Хватит лезть не в свое дело. Возвращайся домой. И перестань мне надоедать, - сказала она. И вдруг почувствовала на себе взгляд – такой, что мурашки побежали. Обернулась, но никого подозрительного не заметила. Если кто-то и смотрел на нее, то уже слился с толпой. Впрочем, на нее часто смотрели.

- Я переживаю из-за тебя, - не сразу, но ответил Руслан. В его серых глазах была тревога напополам со злостью.

- Лучше переживай из-за сестры, - хмыкнула девушка.

- Давай поговорим.

Руслан вдруг взял ее за руку и переплел свои пальцы с ее пальцами.

- Полина. Почему ты ведешь себя так? – спросил он устало.

- Может быть, потому что ты меня раздражаешь? Оставь меня в покое.

Вырвав ладонь из руки Руслана, Полина похлопала его по щеке, заставив сглотнуть, и направилась к своему байку. Села, завела и резко сорвалась с места. Ей не хотелось выяснять отношения – слишком тоскливо было на душе. В этот раз даже скорость не дала облегчения. А раньше она только ею и спасалась...

Полина выехала с территории аэродрома, вырулила на пустую трассу и помчалась в сторону города. Небо на востоке постепенно светлело, становилось медным. Девушка разгонялась все больше и больше, и ей казалось, что она летит прямо в него. В это самое небо.

Она приближалась к городу. Но решила ехать не обычным путем, а заскочить на набережную – на высокий обрывистый берег, на котором когда-то бывала с Димой.

За три года здесь ничего не изменилось. Все так же не было ограждений, мощенных дорожек и скамеек. Зато вид оставался все таким же шикарным – на другой берег, на реку, на пылающий рассветом кусок неба.

Иногда Полина приезжала сюда, когда становилось невмоготу, и одиночество грызло, словно цепная собака кость. Она шла знакомым путем и ей казалось, что Дима идет рядом незримой тенью. Он рядом, и вот-вот она сможет коснуться его руки. Или обнять. Иногда

она даже разговаривала с ним, забывшись, - рассказывала о том, что произошло за день. А потом резко замолкала, понимая, насколько это нездорово. И до качелей шла молча. А потом садилась на них и с силой раскачивалась, глядя в небо, такое далекое и такое близкое одновременно.

Глядя в небо, Полина всегда вспоминала их. Папу и Диму.

А когда по нему пролетал самолет, улыбалась, провожая его глазами, полными слез от несбывшихся надежд и боли.

Она и сегодня хотела покачаться, но не вышло. Откуда-то появились несколько крепких парней с недобрыми ухмылками на лицах, а из-за их спин вышел тот самый рыжеволосый парень, в лицо которому Полина расплыла баллончик до начала гонок. Глаза его были красными.

- Ну что, привет, мразь, - ухмыльнулся он. – Я же сказал, ты поплатишься за то, что сделала. Такие шутки со мной не проходят.

- Что тебе нужно? – резко спросила Полина, пытаясь рассчитать, успеет ли ускользнуть от них и завести байк.

Нет. Не успеет. Слишком далеко бежать. Они догонят. А она не справится с ними. Их четверо. И каждый из них гораздо сильнее ее.

Вдоль позвоночника зазмеился противный липкий холод. Пальцы тоже похолодели. А вот в груди, наоборот, стало жарко. Черт, она конкретно попала! Откуда эти уроды вообще взялись?! Пасли ее, что ли? Но за ней никто не ехал. Она бы заметила. Может быть, «жучок» успели поставить?

- Что я хочу? – криво улыбнулся рыжий, приближаясь к Полине. – Хочу, чтобы ты вымаливала прощение, стерва.

Одной рукой он схватил ее за шею, другой – за волосы.

- Маленькая дрянь, - прошипел он. – Ты себя кем возомнила, а?! С кем связаться решила?! Тупая крыса! Со мной? Со мной, спрашиваю? Ты вообще знаешь, кто я? А?

Он ударил ее по лицу и оттолкнул – так, что девушка потеряла равновесие и упала на землю. Она инстинктивно закрыла голову, но рыжий не стал ее бить – поднял рывком и прижал к широкому стволу дерева, пытаясь расстегнуть мотокомбинезон. Полина начала вырываться, словно дикая кошка, но ее схватили за руки дружки рыжего. Им было смешно – они считали, что она в их власти. И похабно комментировали происходящее.

Отвратительные липкие руки. Отвратительные слова. Ощущение грязи – будто Полину касался не человек, а монстр.

Рыжий попытался поцеловать ее, но Полина плюнула ему в лицо, вызвав новую волну гнева.

- Ты знаешь, что я с тобой сделаю, крыса? – ласково спросил рыжий, вытирая лицо. В его глазах крылась угроза. Он не шутил.

- Если хоть пальцем ее тронешь, узнаешь, что сделаю с тобой я, - раздался вдруг еще один мужской голос. И рыжий парень тотчас отпустил Полину, у которой внутри все замерло, а сердце сжалось в одну точку.

Забыв, как дышать, она медленно подняла глаза. И увидела перед собой того, кого три года считала мертвым.

Диму.

Ее Диму.

Он стоял на расстоянии несколько метров. Все такой же высокий, статный, сильный. Живой.

Лицо совсем взрослое. Жесткое. Но безумно красивое. Такое родное.

В его руке был пистолет. Настоящий. Он уверенно держал его в руке, наведя на рыжего. Будто прекрасно знал, как с ним обращаться.

- Отошли от нее, - хрипло сказал Дима, не сводя блестящих глаз с Полины. – Иначе пристрелю. Каждого.

Рыжий понял, что это не шутка. И тотчас оставил Полину в покое. А та, прижавшись к стволу дерева, смотрела на Диму и не могла поверить, что это он. Ее трясло от ужаса, коленки подкашивались, дыхания не хватало – будто кислород перекрыли.

Не убирая оружие, Дима шагнул ближе. Взвел затвор пистолета.

- Чувак, ты чего? Ты вообще кто? – заорал рыжий испуганно. – Ты все не так понял! Это моя подружка! Развлекаемся мы с ней тут!

- Убери пушку, а! – поддержал его кто-то из друзей.

- На счет три пошли вон, - сказал Дима. – Раз, два...

Договорить «три» он не успел – парни бросились врассыпную. А он тотчас оказался рядом с Полиной, в глазах которой темнело – она едва стояла на ногах и тяжело дышала.

- Дима?.. – прошептала она, изо всех сил протягивая к нему ставшую тяжелой руку.

И потеряла сознание.

Последнее, что Полина слышала, прежде, чем погрузиться в объятия тьмы, было тихо:

- Девочка моя...

Чьи-то сильные руки подхватили ее. И тьма окончательно завладела сознанием Полины.

Глава 1. Больно без тебя

3 года назад

Я пришла в себя, лежа в машине скорой помощи – она не ехала, а просто стояла во дворе дома, и ее дверь была приоткрыта. За нею стоял Андрей.

Рядом со мной сидела перепуганная мама и какой-то мужчина в белом халате. Врач.

- Вот и пришла в себя. С девочкой все нормально, - сказал он, осматривая меня. – Потеряла сознание из-за стресса.

- Боже, - выдохнула мама, держа меня за руку. – Полинкин, ты очнулась... Девочка моя...

Я обвела их непонимающим взглядом. До меня не сразу дошло, что случилось. А когда вспомнила, то почувствовала волну страха и ужаса. Она захлестывала меня, лишая кислорода. И мне стало сложно дышать – будто легкие были забиты мелким стеклом.

«Он погиб» - услышала я голос Саши. Он эхом отдавался в моей голове.

Погиб... Погиб... Погиб...

Это она ведь про Диму сказала. Про моего Диму!

Меня буквально подкинуло на кушетке. Как от удара током.

- Где Дима? – тяжело дыша, спросила я, вырывая руку из пальцев мамы. – Где Дима? Что с ним?

Мама отвела глаза в сторону, и в висках похолодело – будто их льдом натирали. Она что-то знает... Неужели?..

- Что с моим Димой?! – закричала я громче, не контролируя себя, и вскочила с места.

- Успокойся, пожалуйста, - прошептала мама. – Дочка, прошу тебя!

- Вернись на место! – попросил врач. – Тебе нельзя такие резкие движения делать! Вернись, говорю!

Но я не слушала ни маму, ни врача, а просто выскочила из машины скорой помощи и едва не натолкнулась на Андрея, который недовольно на меня уставился. Но на него мне было

плевать. Мне нужен был не он, а Саша.

Она сидела на лавочке неподалеку. А рядом с ней был Игорь, который, кажется, пытался ее успокоить. Он протягивал ей воду, говорил что-то, но Саша будто не слышала. Смотрела в землю невидящим взглядом.

Она заметила меня, и ее губы искривились от боли.

- Полина, - прошептала Саша и заплакала, не закрывая лица, как будто бы ей было все равно, как она выглядит в этот момент.

- Его больше нет, да? – задыхаясь еще сильнее, спросила я. Она молча закивала, и я снова едва не рухнула, но устояла. Казалось, что земля подо мной ходит ходуном. Будто началось землетрясение.

- Он умер, - выдохнула Саша. И я почувствовала острую боль – то ли в сердце, то ли в душе. Такую сильную, что захотелось кричать, выть.

По моим щекам покатались слезы.

- Зачем ты мне врешь? – спросила я. – Что я тебе сделала? Что?

- Полина, она не врет, - осторожно сказал Игорь, вставая. Он явно не понимал, что делать.

- Она врет, - замотала я головой из стороны в сторону. Зачем они издеваются надо мной? Почему так ненавидят меня?

- Полина, вернись! – закричала мама, которая покинула скорую вместе с врачом, но мне было все равно.

- Она не врет, - тихо сказал Игорь, аккуратно обнимая меня за плечи. – Пойдем к врачу. Пожалуйста. Ты вся белая. Дрожишь.

- Игорь, я должна знать, почему Саша говорит неправду... - Упрямо твердила я, отталкивая его.

- Послушай, я знаю, что тебе больно, но... Это правда. Дима погиб.

- Нет, нет, нет, - снова замотала я головой, не понимая, что происходит. – Вы выдумываете... Или... Может быть, это сон?

Я царапнула себя ногтями по руке и почувствовала боль. Нет, не сон. Реальность. Ужасная сокрушительная реальность.

И тогда до меня стал доходить смысл сказанных ими слов.

Мой Дима ушел.

Дышать снова стало тяжело, и я начала хватать воздух ртом, не слыша криков приближающихся мамы и врача.

- Что с ним произошло? – прошептала я с трудом, глядя на Сашу.

Она молчала. Смотрела на меня, плакала и молчала.

- Что произошло? – повторила я громче. Ноль эффекта. И тогда я закричала во всю мощь легких:

- Говори мне, что произошло!

Я кинулась к Саше и стала трясти за плечи. Ее тело было бессильным, и голова болталась из стороны в сторону.

- Говори! Говори мне!

- Полина, успокойся! – закричал Игорь и поймал меня в объятия. – Прошу, успокойся. Ей тоже нелегко.

- Он разбился на самолете, - ответила вдруг она хриплым от слез голосом.

- На каком самолете?! Куда он летел?! Слушай, Саша, этого не может быть, - проговорила я, вдруг подумав – наверняка это какая-то чудовищная ошибка. - Он был со мной до самого утра. А потом уехал.

- Они все разбились, вся его семья, - ответила Саша и взглядом, полным слез, посмотрела на меня. – Как теперь жить, Полина? Я ведь так сильно любила его...

Ее слова стали стрелой, которая попала прямо в сердце.

Как.

Теперь.

Жить?

Силы снова покинули меня, и я осела на скамейку рядом с Сашей. И зарыдала, качаясь взад-вперед. В это время к нам подошли мама и врач, который выглядел не очень довольным.

- Парень, давай-ка, помоги ее увести в машину, - велел он Игорю. - Успокоительное поставлю.

- А это не опасно? – спросила мама, глядя меня по голове.

Врач покачал головой.

- Опасно ее в таком состоянии оставлять. У нее же истерика. Или вы хотите, чтобы она с собой что-нибудь сделала, дамочка?

- Полегче, - осадил его отчим, подошедший следом. – Какая она вам дамочка?

- А вы бы вообще подошли к дочери и сделали бы что-нибудь, - разозлился врач. – Видите, что у нее истерика. И столбом стоит, как идиот.

- Слушай, ты, - обозлился Андрей, - не указывай мне.

- А ты веди себя как отец, - нахмурился врач.

- Она не моя дочь, - процедил он сквозь зубы.

- Теперь понятно. Свою бы дочь успокоил, - хмыкнул врач.

- Ему и своя не нужна, - сказала вдруг Саша, и мама удивленно на нее уставилась.

- Андрей, это твоя дочь? – спросила она, держа меня за руку. Тот лишь коротко кивнул. А после велел Саше идти за ним. Она с трудом встала и пошла. Видимо, отчим решил увезти ее. Она плакала, и ее плечи мелко дрожали, а он даже не обнял ее. Чертов козел!

Пока мама была рядом, врач поставил мне какой-то укол, от которого меня резко потянуло в сон.

- Я не верю, - шептала я, сжимая ладонь мамы. – Мой Дима жив, он жив!

Я твердила это до тех пор, пока Игорь молча не показал мне статью с известного портала, заголовок которой красноречиво гласил:

«Бизнесмен Сперанский и его семья погибли в авиакатастрофе»

Десять человек погибли в результате крушения частного самолета, который направлялся в Москву. Самолет принадлежал известному бизнесмену Владимиру Сперанскому. На борту кроме него также находились его супруга, сын и две дочери, а также личный помощник, два пилота и стюардесса. Все они погибли.

По предварительным данным, авария произошла во время взлета. Наш источник сообщает, что на взлете произошел отказ техники. Обстоятельства происшедшего устанавливаются...»

Я читала и не верила.

Глава 2. Буду любить тебя целую вечность

Слезы катились по моему лицу градом, но я не издала ни звука – как будто потеряла

возможность говорить. Дело было то ли в статье, то ли в уколе, но я вдруг обессилила. Руки и ноги стали тяжелыми, в голову будто запихали вату, и глаза начали закрываться. Я плохо помнила, как мама и Игорь довели меня до квартиры – прямо до кровати. Как я уснула, уткнувшись мокрым от слез лицом в подушку. И как провалилась в сон – точно в бездну.

Он пришел ко мне во сне. Такой же сильный и уверенный, как обычно. На нем была футболка с короткими рукавами, и я могла рассмотреть его татуировку в японском стиле с изображением чудесной птицы хoo – азиатским фениксом.

Мы вдвоем сидели на нагретой крыше и смотрели в высокое голубое небо – такое бывает лишь летом. Дима обнимал меня, а я положила голову ему на плечо. Тихое счастье окутывало меня подобно легкому облаку.

- Дим? – привычно позвала я его по имени, щурясь на ярком солнечном свете.

- Что, малыш? – нежно спросил он. Он редко бывал таким, и я особенно ценила эти мгновения.

- А что тебе во мне нравится больше всего?

- Все, - спокойно ответил Дима, и его слова одарили сердце радостью.

- А тогда что не нравится? – не отставала я.

- Сказал же – мне нравится в тебе все. Ты же моя девочка. – С этими словами он повернулся и поцеловал в щеку, на несколько секунд задержав горячие губы на коже. Приятный легкий поцелуй заставил меня улыбнуться. И я потерлась головой о его плечо.

- Твоя, - эхом повторила я и снова позвала его по имени: - Дим?

- Что?

- А ты... Ты меня любишь? – осмелилась спросить я.

Мы никогда напрямую не говорили о любви. И мне важно было знать – любит или нет?

Ведь я очень люблю.

Он повернулся ко мне, и его губы тронула грустная улыбка.

- Люблю, синеглазка. И всегда любил.

Я потянулась к нему за новым поцелуем – уже в губы. Но Дима вдруг стал растворяться в воздухе.

- Дима! – испуганно закричала я, пытаюсь удержать его. – Дима! Не уходи!

Не получилось. Он стал солнечным светом на моих глазах.

Я осталась одна. Снова. Небо потемнело, и зарядил дождь.

- Дима, - прошептала я в отчаянии и... распахнула глаза.

Передо мной темнел потолок комнаты. Лицо было мокрым не от дождя, а от слез. Я плакала во сне.

Встав, я подошла к окну, за которым царилась ночь, и нашла взглядом окна его квартиры, в которой было темно. Свет в них больше не загорится. И в его глазах – тоже.

Именно в этот момент до меня, наконец, дошло окончательно, что его больше нет. Я осознала это всем сердцем, всем телом, всей душой.

Мой Дима ушел. Ушел навсегда. Его забрало небо – как и моего папу.

Я снова осталась одна.

Одна. Как всегда. Навечно.

Беззвучно заплакав, я опустилась на холодный пол и сжала надетый на руку браслет. Тот браслет, который хотела подарить Диме на день рождения. Но который так и не получил его. Не успел.

Дима умер за день до своего совершеннолетия. Навеки остался семнадцатилетним. А мое сердце навеки осталось разбитым.

Меня трясло от слез, я давилась ими, закрывала рот обеими ладонями, чтобы не закричать от отчаяния. Царапала бедра и ноги, оставляя следы, надеясь, что боль физическая заглушит боль душевную. Получалось плохо.

Не знаю, сколько я просидела на полу, беззвучно рыдая и заламывая руки. Впервые в жизни я поняла, что рвать на себе волосы – это не просто слова. Это один из символов отчаяния, когда ты перестаешь контролировать себя, свои эмоции, свое тело.

Ломаешься на глазах.

Каждый твой нерв оголен от ужаса, каждая жила натянута так, что готова вот-вот порваться. Безумная холодная пустота начинает пожирать тебя изнутри. И ее становится так много, что ты теряешь не только родного человека. Ты теряешь себя.

Дверь открылась, и в темной комнате появился луч света – ко мне вошла мама. Она села рядом со мной на пол и крепко обняла, прижимаясь щекой к моему виску.

- Моя доченька, - тихо говорила она, укачивая меня. – Моя маленькая. Я знаю, как тебе тяжело. Знаю, знаю... Я бы так хотела, чтобы эта боль ушла. Но она не уйдет так просто. Я

все знаю... Плачь, если хочешь, Полинка, не держи в себе, плачь...

И я плакала, цепляясь за маму. Теперь уже громко, навзрыд. А она все так же обнимала меня, гладила по волосам и укачивала. И от нее, как в детстве, пахло чем-то неуловимо знакомым и теплым.

Спустя несколько часов у меня не осталось сил плакать. Слезы будто закончились вместе с ними. А вот отчаяние и боль – они оставались. Не собирались никуда уходить. Должно быть, теперь они со мной навечно.

- Мама, ему ведь было не больно? – хриплым от слез голосом прошептала я, испуганно глядя на нее. Утренние сумерки накрыли улицы, и где-то там. Далеко, занимался рассвет.

- Нет, доченька, не больно, - помотала она головой. – Он ничего не понял. Будто уснул.

- Ему ведь там не холодно, мама?

- Нет, ему не холодно. Ему всегда будет тепло, - ответила она сквозь слезы, которые стекали по ее лицу. – Им всем там тепло.

Ее голос дрогнул.

Им... Я вдруг подумала, что маме тяжелее пришлось, чем мне. Ее родители, ее муж – все ушли. Только я у нее и осталась. И от этого стало так невыносимо горько, что я стала утирать ее слезы.

- Да, им всем тепло, - повторила я, стараясь утешить ее. – Я верю, что смерть – это еще не конец. И что мы встретимся. Просто чуть позднее. Мы все встретимся.

Сначала я увижу папу, крепко обниму его за шею, как в детстве. А потом обниму Диму – прижимаясь щекой к груди, как привыкла.

Мы встретимся, я обещаю. Просто немного позднее.

Мама подняла меня с пола, и уложила меня на кровать. Принесла воды, заставила меня выпить. Потом села рядом – как в детстве. Она всегда так садилась рядом со мной, когда я не могла уснуть, и читала сказки.

- Мне очень жаль, что так вышло, - прошептала мама, взяв меня за руку. Мои пальцы все еще дрожали, и она попыталась унять эту дрожь. – Такой молодой мальчик... Живи еще и живи.

- Жизнь несправедлива, - тихо сказала я. – Хорошие люди уходят первыми. Как папа. Или как Дима. Почему так? Почему, мама?

Я хотела, чтобы она, как в детстве, ответила на все мои вопросы, но она не смогла.

- Не знаю, доченька, не знаю...

- Дима... он не обижал меня. Он защищал от Андрея. Веришь? – спросила я. Его имя было сложно произносить. Я начинала задыхаться.

- Верю, - чуть помолчав, сказала мама. – Давай обсудим это потом, хорошо? Спи, Полинкин, тебе нужно поспать.

- Только не уходи, - прошептала я в страхе. – Не уходи, ладно, мам?

- Не уйду.

Я закрыла глаза, саднящие из-за рыданий.

Перед глазами стоял он. Дима. Мой мальчик. Надеюсь, ему действительно там не холодно.

Надеюсь, его мама встретила его, чтобы согреть. Хотя бы там, за гранью, где живым нет места. Хотя бы там.

Мама сдержала обещание и не ушла – легла рядом со мной и уснула. А я смотрела то в окно, то на браслет, надетый на мое запястье. С внутренней стороны на нем была гравировка. Слова, которые Дима так и не увидел.

«Я буду любить тебя целую вечность и даже немного больше. Д. от П.»

Дима уже в вечности. А я буду ждать ее.

Мы встретимся там.

Обещаю.

Глава 3. Боль и бессилие

Я проснулась спустя несколько часов, и первые пять секунд была в счастливом неведении – забыла обо всем, что случилось. И даже подумала, что пропустила школу. Но тут же стрелой меня пронзила ужасная мысль – Димы нет.

И тогда я резко вскочила с кровати.

На улице уже было светло. Должно быть, уроки уже давно начались, а я все еще не в школе. Плевать. Плевать на школу. На все плевать. На всех.

Я встала и, пошатываясь, направилась в ванную. Умыла лицо холодной водой и посмотрела на себя в зеркало. Спутанные волосы, бледное лицо, синяки под глазами. Глаза потухли.

Мама была дома. Увидев, что я встала, она бросилась ко мне и обняла. Ее глаза тоже были красными.

- Как ты, доченька?

Я пожалала плечами.

Ничего не хотелось. Ни говорить, ни пить, ни есть. Хотелось вернуться в свою комнату и снова рухнуть на кровать. Сил так и не было. Я даже ходила с трудом. Но мне нужно было взять себя в руки. Понять, что произошло с Димой.

В сердце вдруг залетела искра надежды. А вдруг все-таки он спасся? Вдруг его не было в том самолете вместе с отцом? Вдруг это какая-то грандиозная ошибка?

- Мама, где мой телефон? – выкрикнула я, не помня, куда я его дела. Неужели потеряла? Обидно... В этом телефон фотографии Димы. Переписка с ним. Аудиосообщения с его голосом.

Я не могу потерять телефон. Не могу!

В обычное время я бы просто пошла искать его – свой телефон. А сейчас впала в панику, будто ребенок, у которого пропала мама.

- Телефон, телефон, - бормотала я. – Где же он, где...

- Вот он! – быстрым шагом подошла ко мне мама. – Не нервничай, все хорошо, все хорошо, держи! Ты его вчера обронила, мальчик занес... Игорь. Он вчера очень помог...

- Спасибо, - благодарно взглянула я на нее, схватила телефон и стала вновь звонить Диме. Нет. Не берет. Не берет...

Тогда я залезла в интернет и глазами, полными слез, стала читать статьи о том, что произошло.

Информации было мало. В статьях скупо говорилось о том, что известный во всем городе бизнесмен и депутат Сперанский, его жена и трое детей в срочном порядке вылетели в столицу. Самолет был частным, принадлежал отцу Димы и базировался в нашем местном аэропорту. При взлете произошел отказ техники из-за неустановленной неисправности. И самолет рухнул. Никто не выжил. Погибли все, включая экипаж. Почему это произошло, кто виноват, кто понесет наказание – про это не было ни слова. Обстоятельства уточняются и все. Все.

Хотелось кричать от бессилия. Бить кулаками стену – так, чтобы костяшки сбивались в кровь. Упасть на холодный пол. Но я будто окаменела. Сидела на своей кровати с телефоном в руках, и снова плакала, плакала, плакала. Не отвечала на сообщения и звонки. Просто сама медленно растворялась – как Дима в моем сне.

Я не понимала, кто его похоронит. Где, когда... Куда мне нужно идти и что делать? Как с ним попрощаться?

Эти вопросы взрывали мою голову. И в какой-то момент я просто стиснула виски ладонями и забилась в угол, мотая головой из стороны в сторону. Из этого состояния меня вытащила

мама. Она снова пришла ко мне, обняла и говорила что-то теплое, прижимая к себе. Напоила горячим молоком, дала какую-то таблетку, чтобы я успокоилась, гладила по волосам.

Я снова пришла в себя. И подумала, как, должно быть, ей было тяжело, когда ушел папа. Рядом с ней не было матери, которая могла бы ее утешить – лишь испуганная маленькая дочь, которая от горя и страха залезла пол кровати, где тихонько плакала, боясь, что мама услышит и расстроится еще больше. Тогда мне на помощь пришла бабушка – папина мама. А моей маме... Ей никто не пришел на помощь.

Я запихала в себя несколько ложек супа и снова, как ненормальная, стала звонить Диме. Его телефон был отключен. И снова смотрела в его окна, надеясь увидеть в одном из них его – живого. И щипала себя, до последнего надеясь, что это все-таки сон, и сейчас я проснусь. И весь этот кошмар закончится.

Он не заканчивался.

Этот кошмар стал моей реальностью.

В какой-то момент до меня вдруг дошло – Лорд и Обед остались в квартире Димы одни! Они голодные! С псом никто не гулял! Боже!

Меня подбросило на месте. Я вскочила и, ни слова не говоря, кинулась одеваться. Сунула ноги в ботинки, накинула куртку, нашарила в ней ключи от Диминой квартиры и кинулась прочь.

- Ты куда?! – закричала мне вслед мама.

- Скоро вернусь! Я к Диме! За животными! – выкрикнула я и умчалась.

В его квартиру я буквально ворвалась – во мне вдруг появилось столько странной энергии, что я не могла усидеть на месте. У порога меня встретил только Обед, который тоненько запищал и бросился под ноги. Лорда нигде не было, и я поняла, что он так и остался на улице.

Мне стало плохо, и только силой воли я не позволила себе рухнуть на пол. Так, надо забрать котенка... Нет, сначала покормить и забрать. А потом бежать и искать Лорда.

Дрожащими руками я насыпала Обеду в миску корм, налила воды, и он тотчас бросился к еде. Пока он торопливо ел, я вымыла его лоток. Нашла переноску – не знаю, откуда она была у Димы. И посадила в нее Обеду. Он жалобно пищал, когда мы уходили из квартиры Димы – будто понимал, что не вернется.

А я... Я почему-то тоже понимала это – что не вернусь. Но не могла оставаться здесь. Мне нужно было отыскать Лорда. Ведь Диме не понравится, что я потеряла его собаку... Он хоть и взрослый, но каково ему снова очутиться на улице? Что с ним могут сделать, решив, что он – злой и опасный?

Все, что я успела сделать, так это взять Диминову футболку с собой. Не знаю зачем... Глупо, да, но... Но я хотела сохранить его запах в своих воспоминаниях. Его частичку.

Когда я уже была готова уйти, в дверь позвонили. Я едва не выронила переноску с мяукающим Обедом. В голове пронеслась сумасшедшая мысль. Это Дима! Дима вернулся! Мой Дима!

Но почти тут же эта мысль погасла. Он бы не стал звонить в свою квартиру. Это кто-то другой.

Но кто?

Полиция? Родственники? Соседи? Кто?

Меня накрыло нехорошим предчувствием.

Я осторожно приблизилась к глазку и заглянула в него. Перед дверью стоял какой-то парень, склонивший голову. Он вдруг ударил кулаком по двери. Раз, второй, третий...

А потом я услышала мужской голос:

- Димка! Димка...

И облегченно выдохнула. Это был Леха.

Я торопливо открыла дверь.

- Димыч! – радостно закричал Леха, решив, должно быть, что это Барс. Но увидел меня и осекся. – Полин, ты чего тут делаешь?..

- За котенком пришла, - прошептала я.

Мы смотрели друг на друга – два потерянных подростка, которые не знали, что делать.

- А Барс? Он ведь... Он умер, да? – Лешин кадык нервно дернулся. - В школе сказали. И я... Я все бросил и сюда... К нему... Но...

Я впервые видела, чтобы парень плакал. Так плакал. Это были не те сдержанные мужские слезы, которые показывают в сериалах и фильмах. Они катились по его лицу, которое вдруг растеряло хулиганскую удалость и стало каким-то беззащитным, даже детским. А широкие плечи дрожали.

Я в который раз поняла – у слез нет пола. Проклятые стереотипы.

Слезы – это от боли. А боль одинаковая для всех. Никого не щадит. Как и смерть.

- Я не верю, - плакал Леха. – Не верю! Он не мог, не мог, понимаешь? Полина, он не мог так

уйти! Это же приколы, это приколы, да? – Он с надеждой заглянул мне в глаза, но, заметив мои слезы, закрыл глаза ладонями – так, что большие пальцы касались висков. И этот жест был таким трогательным, таким искренним, что я вдруг поняла, насколько сильно Дима был ему дорог.

- Леш, - со брав остатков сил, я погладила его по плечу. – Давай Лорда найдем? Я вчера его потеряла... Гуляла с ним, когда узнала, что Дима... Что его больше нет. Потеряла сознание и...

Договаривать не пришлось – он без слов понял меня и закивал, вытирая глаза.

- Да... Да... Пойдем. Поищем. Он же умный пес... Димка его тренировал столько. Он не мог убежать далеко...

- Успокойся, ладно? – попросила я, видя, что его вся так же трясет. Принесла воды, заставила выпить – как мама заставила меня ночью. Вытерла слезы, касаясь его лица как бы сестра касалась лица брата, желая утешить. Погладила по волосам. И, поняв, что Леха более-менее пришел в себя, закрыла квартиру.

Мы направились к лифтам – Я, Леха и Обед в переноске, который испуганно притих. Оба лифта пришли одновременно. Мы шагнули в один, а из второго вышло двое странных мужчин в кожаных куртках. Я заметила, как они направляются в сторону Диминой квартиры. И судорожно начала нажимать кнопку этажа ниже.

- Ты чего? – опешил Леха.

- Кое-что забыла. Езжай без меня. Сейчас догоню, - торопливо сказала, вылетела из лифта, как только дверцы распахнулись, и неслышно стала подниматься вверх по лестнице.

Я осторожно выглянула с лестничного проема – там двое мужчин открывали квартиру Димы, и я на всякий случай сфотографировала их, не понимая, кто они такие. И знают ли они что-нибудь о похоронах. Наверное, нужно было подойти и спросить у них прямо, но шестое чувство подсказывало мне, что делать этого не стоит.

Из квартиры они вышли быстро – я едва успела спрятаться за угол.

- Никого нет, чисто, Захар Владимирович, - услышала я голос одного из мужчин, который звонил по телефону.

- Сперанский же с сынком не общался, - сказал второй, когда тот отключил мобильник. – Зачем его с собой прихватил?

- Отцовские чувства взыграли? – хмыкнул первый.

- Да брось. Ты же знаешь, что малой ему нахрен не нужен был.

- Жалко стало. Решил спасти.

- Вот тебе и спас, - расхохотался второй. – Вся семья полегла.

- За некоторые вещи нужно отвечать по всей строгости закона, - назидательно сказал первый. Похоже им было все равно на то, что произошло. На то, что погибли люди. Уроды.

- Какого? Мусорковского? – еще громче расхохотался второй.

- Кармического, - назидательно ответил первый.

На этом они сели в лифт и уехали. А я прислонилась к стене, начиная кое-что понимать. Должно быть, отец Димы во что-то вляпался. Или кому-то перешел дорожку. Он ведь был не просто бизнесменом – Дима сам говорил, что Старик начинал в девяностые и был как-то связан с криминалом... Боже, боже, боже...

Выждав пару минут, я тоже спустилась вниз. Увидела Леху, который столбом стоял рядом с подъездом и бездумно смотрел в небо. Тронула его за плечо, заставив вздрогнуть.

- Занесу Обеда к нам, и мы пойдем искать Лорда, - сказала я, сама не понимая, откуда во мне силы на это. Он кивнул в ответ.

Я действительно принесла Обеда домой – на время, изрядно удивив маму.

- Полин, ты чего? Что случилось? Боже, я с ума чуть не сошла, когда ты убежала! – закричала она, и я обняла ее.

- Мамочка, прости! Надо было забрать котенка... Он у Димы жил. Я не могла его оставить. Ему есть нечего было... Мам, пусть он у меня в комнате побудет немного? Всего один день, прошу?

- Но у Андрея аллергия...

- Пожалуйста, пожалуйста! – молитвенно сложила я руки. – Я найду ему хозяина, обещаю! Мне некуда его деть...

- Хорошо, - согласилась она, испуганно заглядывая в переноску. Обед, увидев ее, снова начал жалобно мяукать.

Я отнесла его в свою комнату, зарыла дверь, а сама снова стала собираться на улицу, где меня ждал Леха. Меня колотило изнутри, и я даже стоять спокойно не могла – это странное состояние так и не отпускало меня. Хотелось бежать. Просто бежать, бежать, бежать... Задыхаясь, чувствуя, как напрягаются мышцы, как кровь прилипает к щекам. Просто бежать. Остановлюсь – растворюсь вслед за Димой.

- Дочка, ну куда ты опять?! – испуганно закричала мама, которая, кажется, боялась за меня. – Полина!

- Мамочка, я скоро буду! Мне нужно найти собаку Димы! Я вчера потеряла ее! Буду на связи!

С этими словами я выбежала из квартиры и пешком понеслась вниз. Пальцы так тряслись, что я едва не выронила телефон.

Не знаю, что со мной происходило. Я перестала чувствовать себя собой.

Наверное, я действительно исчезала.

Глава 4. Отчаяние гложет душу

Я снова выбежала на улицу, к Лехе, который сидел во дворе на заборе, закрыв лицо руками. Подойдя, я положила руку ему на плечо.

- Леш...

- Этого не может быть, - глухо сказал он. – Димка не мог. Не мог, понимаешь?

Он отнял ладони от лица и посмотрел на меня красными глазами.

- Он Старика ненавидел! Думаешь, полетел бы с ним куда-нибудь? – с затаенным отчаянием спросил парень. – Наверное, это ошибка. Да не может это быть правдой, не может! Они перепутали! Не мог он, не мог! Не мог!

Так всегда. Сначала не веришь, когда кто-то близкий уходит. Злишься, ненавидишь весь мир за ложь.

Они должны жить вечно – те, кого мы любим. Они не должны покидать нас. Это неправда. Неправда! Осознание приходит потом. Ударяет камнем по голове. И все меняется.

Леха вскочил и вдруг ударил кулаком по железной детской горке, что стояла рядом. С размаху, с силой – сразу разбил костяшки. Один раз ударил, второй, оставляя кровь на железе, но третий раз я не позволила ему это сделать. Схватила за руку, напряженную так, что она казалась стальной.

- Не надо, Леша! Не надо... Пожалуйста... - с трудом проговорила я, вновь чувствуя, как из глаз катятся слезы. – Не надо...

Увидев их, эти проклятые слезы, Леха вдруг взял себя в руки. Успокоился. Зажмурил глаза. Выдохнул.

- Извини. Просто я не могу в это поверить. Димка мой лучший друг. Мы всегда были вместе, понимаешь? Он за меня вписывался перед пацанами из колледжа, когда я накосячил. Помогал, если было нужно. Я не верю, что его больше нет.

- Я тоже, - прошептала я, и Леха неловко обнял меня.

- Идем искать Лорда, - сказал он глухо. – Потом пробьем, когда будут... Будет прощание.

Он не смог сказать слово «похороны». Я тоже не могла произносить его, когда папа ушел. Будто это слово обозначало конец. После них ничего нет. Никакой надежды.

Мы отправились на поиски Лорда. Под вой усиливающегося ветра, который порывами дул нами в спины, обошли все близлежащие дворы, однако не нашли его. Мы звали Лорда по имени, заглядывая под каждый чахлый куст, спрашивали прохожих, не видели ли они собаку, и показывали им фото Лорда. Но он будто растворился – его нигде не было.

Чем дальше мы с Лехой искали Лорда, тем больше я хотела кричать от отчаяния. Я потеряла его собаку...

- Боже, что скажет Дима, когда узнает, что Лорд пропал? – проговорила я, засовывая руки в карманы куртки – они так озябли на ветру, что стали ледяными.

- Ничего хорошего, - мрачно откликнулся Леха. – Скажет, что...

И тут он осекся. Мы переглянулись, поняв, что забыли о том, что Дима больше ничего никогда не скажет.

Что его больше нет.

Нет.

Я закрыла лицо ладонями, а Леха отвернулся. Мы оба не хотели видеть слез друг друга. Оба держались.

Какое-то время стояли молча. И ветер дул все сильнее и сильнее, пошатывая деревья и заставляя ветки с остатками листьев хлестать друг о друга. Холод пронзал до костей. Я закашлялась.

- Полина, иди домой, - хрипло сказал Леха, печатая что-то в телефоне. – Пацанов позову, они помогут поискать.

- Нет, я не могу уйти, - твердо ответила я. – Я потеряла, значит, должна и найти.

Не могу иначе.

Парни действительно пришли – во главе с Валом, на котором лица не было. Никаких привычных разговоров, шуток или смеха. Все молчали. Молчали по своему другу, которого больше не было.

Они помогали искать Лорда. Кто-то тоже ходил по дворам, обшаривая все вокруг. Кто-то начал распространять фото Лорда в соцсетях с призывом позвонить, если увидят собаку. Даже обещали вознаграждение – парни специально для этого сложились. С виду они были совсем мальчишками – такими, у которых на уме тусовки, девчонки и видеоигры. Но

действовали, как настоящие мужчины. Они все хорошо общались с Димой, и каждому он чем-то помогал.

Во время поисков до меня дозвонилась Дилара. Голос у нее был хриплым – наверное, тоже плакала.

- Как ты, Полин? – всхлипнула она. – Ты чего трубку не берешь? Я звонила тебе, звонила...

- Прости... Просто... Я не могу... - прошептала я.

- Не объясняйся, Полин. Я все понимаю. Просто если тебе тяжело, ты скажи, я приду! – выкрикнула она в телефон.

- Нет, не надо пока, спасибо...

- Знаю, что Лорд пропал, я его тоже ищу, - сообщила подруга. – Мы с мамой ездим по дворам у нас, ищем, но глухо. Ты не волнуйся, ладно? Мы найдем его, слышишь?

- Найдем, - эхом отозвалась я. Мы попрощались.

Становилось все холоднее, ветер проникал сквозь одежду, и я начала дрожать. Но я собиралась искать Лорда до последнего.

В какой-то момент Леха взял меня за локоть и сказал:

- Все, Полина. Иди домой. Пожалуйста. Ты замерзла. Заболеешь. Я тебя прошу, иди, а? Димка бы мне что на это сказал? «Из-за тебя моя женщина заболела, почему не уследил за ней?»

Это так по-взрослому прозвучало – «моя женщина»... Как будто бы они оба были не семнадцатилетними подростками, а реально взрослыми мужчинами.

Я сдалась.

- Только найдите его, пожалуйста, - тихо сказала я, глядя в глаза Лехи, которые выдавали его, несмотря на то, что держался он хорошо, почти спокойно.

- Найду, - кивнул он. – Идем, я тебя отведу домой. А потом заскочу еще в пару дворов на Весенней. Может быть, Лорд там...

Он и еще двое парней повели меня к дому. К этому моменту у меня почти пропали силы – та странная энергия, тот непонятный адреналин, с которым я начинала искать пса, иссякли. И я с трудом переставляла ноги, чувствуя, какой пустой и бесполезной стала голова. Перед глазами стоял образ Димы. Он улыбался мне – дерзко, уверенно, но в то же время с той самой затаенной нежностью, к которой я так привыкла.

Леха и парни довели меня до двора, когда вдруг мне почудилось, что кто-то тихо скулит. Я

встала, как вкопанная, пытаюсь понять, откуда доносятся звуки.

- Ты чего? – удивился Леха.

- Слышишь? – прошептала я, и он тоже прислушался.

Слабое поскуливание доносилось со стороны мусорных баков, и я парни бросились к ним.

Лорд находился там. Спрятался под упавшей коробкой и выглядывал из-под нее. Его глаза лихорадочно блестели.

Леха аккуратно убрал коробку и выругался:

- Твою мать.

Лорд был в крови – часть засохла на свалывшейся шерсти, часть расплылась на грязном асфальте. На боку у него была рана.

Мне стало плохо, и я вновь почувствовала, как земля уплывает из-под ног, но парни не дали упасть. Леха тем временем стащил свою спортивную куртку и аккуратно вместе с другом переложил на него Лорда. Они вызывали такси и поехали в ветеринарную клинику, а меня отправили домой.

Лорд... Прости меня, мой хороший мальчик. Я не уследила за тобой. Это из-за меня ты потерялся. Из-за меня пострадал.

Дима, я не хотела. Не хотела! Не хотела, чтобы так произошло.

Слезы вновь захлёстывали меня. Я стояла на ветру, дрожала всем телом от горя и холода, и будто потерялась во времени и пространстве. Очнулась только тогда, когда меня вдруг обняли со спины.

Первая мысль была, что это Дима. Но нет, это была лишь глупая иллюзия. Я повернулась - позади стоял Игорь, и ветер играл с его светлыми волосами.

- Полина, - выдохнул он. – Ты чего тут стоишь? Замерзла же...

- Я не могу, - едва выдавила я из себя. – Не могу больше... Не могу. Не могу.

Я снова плакала, а Игорь успокаивал меня, глядя по волосам и говоря что-то хорошее. Он пытался защитить меня от ветра.

- Идем, я тебя провожу, - сказал Игорь, когда очередной приступ слез прекратился, и я едва стояла на ногах.

Друг детства повел меня в подъезд, сам моими ключами открыв дверь. Вызвали лифт. Нажал на кнопку.

- На всякий случай решил заехать, - сказал он. – Узнать, как ты... А то трубку не берешь. Волновался за тебя. Вчера твоей маме телефон передал, ты его выронила, когда потеряла сознание.

Я лишь кивнула – разговаривать не было сил.

- Ты как, держишься?

- Не знаю, - едва произнесла я.

- Глупый вопрос. Тебе больно, понимаю... Не знаю, что тебе сказать. Да тут что ни скажешь, все будет не то. Я соболезнаю, Полина. Твой Барс, он... Ну, ты знаешь, что мы не ладили и все такое, но я скорблю вместе с тобой по твоей потере. Только скажи, как тебе помочь, я все сделаю.

Игорь крепко сжал мое плечо, и я вновь устало кивнула.

- Ничем не поможешь. Но спасибо, - прошептала я.

- Вчера твой телефон нашел и отдал твоей маме, - сказал он.

Мы вышли из лифта, направились к моей квартире, и я с трудом открыла дверь.

- Звони, если что, - на прощание сказал Игорь. – Помогу, если нужно. Ладно?

Я с благодарностью взглянула на него и вошла в квартиру. Мама уже выбежала в прихожую. Глаза у нее были тревожные, да и сама – дерганная.

- Полина! – закричала она. – Ты где была?! Я тебе столько раз звонила! Уже не знала, что думать! Бегала тебя искать! Диларе позвонила, в школу позвонила, думала в больницы начать звонить!

- Прости, - едва вымолвила я. – У Димы потерялась собака, мы ее искали... А звонок я не слышала.

Моя взгляд упал на вешалку, и я поняла, что отчим дома. Приехал с работы.

Мама обняла меня.

- Не пугай меня так больше, - проговорила она, всхлипывая. – Я так за тебя переживаю. Знаю, тебе больно, но прошу, возьми себя в руки, доченька. Ладно?

Я кивнула.

В прихожую вышел Андрей и, увидев меня, приподнял бровь.

- Я же сказал, что с ней все хорошо, - холодно сказал он. – Видишь, сама пришла. А ты

волновалась, Дана.

- Как я могу не волноваться?! – закричала мама. – Это же моя дочь! У нее горе! И она пропала.

- Тише-тише, - приобнял ее Андрей. – Тебе нельзя волноваться, дорогая. Все хорошо. Твоя дочь пришла. Она в порядке.

Он заботливо поцеловал ее в висок, и она прикусила губу.

Ничего ему не говоря, я прошла мимо них и направилась в свою комнату с одним лишь желанием лечь в кровать и никогда больше не вставать. Я действительно перестала чувствовать себя как личность. Стала человеком-функцией. Будто действительно растворилась после ухода Димы.

Я вошла в свою комнату, с размаху упала в постель, больше всего на свете желая закрыть глаза и больше не открывать. Но поняла, что сначала должна проверить Обеду.

Котенок все так же сидел в своей коробке. Сжался в комочек, и шерстка на его спинке топорщилась от страха. Увидев меня, он запищал и позволил взять себя в руки.

- Все хорошо, мой маленький, - прошептала я, глядя его под подбородком. – Я тебя защищу. Веришь?

Он верил – замурлыкал.

Кроме меня у него никого не было.

В комнату вошла мама. Принесла бутерброды и горячий чай со смородиновым джемом – варенье у нас в доме не водилось, потому что Андрей считал это совком. Пообнимала меня, погладила котенка, который сразу же потянулся к ней. Попыталась разговорить, но я молчала. Попыталась накормить, но к еде я чувствовала отвращение. Тогда она впихнула в меня еще одну успокаивающую таблетку. По глазам я видела, что мама беспокоится за меня, но не могла взять себя в руки.

Мама пробыла со мной несколько часов, прежде, чем уйти.

- Полинкин, - сказала она перед тем, как покинуть спальню, но почему-то осеклась.

- Что? – едва шевеля губами, спросила я.

- Да так. Ничего. Ты ложись спать, ладно? Поспи немного. В школу пока не ходи – я договорилась с классной.

Мама ушла, а я в очередной раз проверила мессенджер – что напишет Леха? Они с парнями до сих пор были в ветеринарной клинике. Врач сказал, что Лорда сбила машина, и что ему нужна срочная операция. Леха обещал написать, когда она закончится. И я ждала, ждала,

ждала... А время тянулось, как жвачка.

Я снова мониторила интернет. После авиакатастрофы все местные СМИ словно с цепи сорвались. Многие не просто писали статьи, а поливали Сперанского грязью, припоминая все его грешки. Называли выходцем из девяностых, рассказывали о связях с какой-то преступной группировкой, пытались связать его смерть и смерть всего его семьи с бизнесом, который он вел.

Для кого-то авария стала лишь очередным инфоповодом. А для кого-то это стало трагедией и вечной болью.

До Димы в СМИ тоже добрались – писали, что у Сперанского был старший сын-одинадцатиклассник. Кто-то деликатно называл его «сложным ребенком», а кто-то, не стесняясь, давал клеймо бандита. Мол, каким был отец, таким вырос и сын.

В одних новостях даже показали заблюренное лицо парня, подписанного как «ученик 105-ой школы». Измененным голосом он рассказывал, каким моральным уродом был Дима Барсов, как издевался над школьниками и учителями, как вымогал деньги и избивал.

У меня перехватило дыхание. Несмотря на измененный голос и заблюренное лицо я узнала в нем Егора Власова. Урода, который решил сделать меня изгоем, чтобы потом заработать на этом. Какой же подонок! Решил потоптаться на Диме напоследок!

Разозлившись, я схватила телефон и едва не кинула его в стену – остановила себя в самый последний момент. Нет, мне нельзя ломать телефон. Это средство связи.

Во мне все еще жила надежда, что Дима жив.

Глупая надежда.

В местных новостных пабликах про смерть Сперанского тоже писали. Человеком он был известным, считался влиятельным и богатым, поэтому его все знали. И в очередной раз человеческая жестокость ударила по сердцу. Для кого-то его смерть и смерть его семьи, включая маленькую дочку была «актом справедливости», ведь «богатые совсем зажрались». А кто-то даже злорадствовал. Мол, давно ждали, когда этого Сперанского пристукнут.

Я не смогла это читать – меня будто по сердцу ножом резали. Я не знала, что не так с этими людьми. И я рассматривала фотографии Димы на своем телефоне, и все плакала, плакала, плакала. Слезам не было конца. И боли – тоже.

Леха позвонил через час и напряженным голосом сказал, что операция прошла успешно. Лорда на несколько дней нужно оставить в клинике, но врач говорит, все будет хорошо.

- Я его себе заберу, - сказал он. – Мать почти уговорил.

- Спасибо, Леш, - прошептала я с облегчением. – Я буду тебе помогать! Корм покупать, лекарства. Гулять с Лордом.

- Все в порядке, я сам, - ответил Леха. – Ладно, мне пора. Ты это... не плачь.

- Сегодня его день рождения, - с трудом произнесла я, снова и снова касаясь браслета на руке. Пусть он будет моим талисманом. Вечным напоминанием о моем Диме.

- Я купил ему квадрокоптер, он давно хотел. Шутил, что будет тебе по утрам записки приносить.

На моих губах появилась улыбка – невеселая, а жалкая.

Я пообещала ему не плакать и не выполнила это обещание. И даже во сне снова плакала. Только Дима мне больше не снился.

А еще я все время думала – что это за люди, которые приходили к нему в квартиру? Может быть, это была не просто авария? Может быть, за этим всем кто-то стоит?

Глава 5. Прощание с любовью

Я попала на похороны. Прощание со Сперанским и его семьей проходило на Стрелецком кладбище, и людей на нем было немало. Я была не одна – вместе с Диларой, Ольгой Владимировной, Лехой, Валом, несколькими одноклассниками и друзьями Димы. В толпе я заметила Вику. А вот Саши не было. Или я просто не нашла ее взглядом среди всей этой огромной толпы.

Это было ужасно, и я плохо помню этот момент. В голове сохранились лишь неясные обрывки – чей-то плачь, голоса, теплая рука Дилары, которая не отпускала меня все это время. Бесконечные цветы, грустная музыка. Дикий холод, от которого стыла кровь. И боль.

К этому дню я почти не плакала – больше не могла. Все, на что меня хватало – просто стоять, смотреть и молчать, время от времени приходя в себя. Один из таких моментов пришелся на самый конец, когда вниз стали кидать горсти земли. А я кинуть не смогла. Отвернулась, чувствуя, как меня заполняет паника. Дилара обняла меня и стала гладить по спине, шепча, что все хорошо, и она рядом. Паника немного отпустила, но мне стало плохо, и Ольга Владимировна поспешила увести меня.

Я не смогла проводить Диму достойно. Но пообещала себе, что вернусь. Что буду приходить часто – как к папе, пока не уехала из родного города.

Уже потом, вечером, я говорила себе, что буду сильной. Что главное – попрощаться с Димой в душе, а не там, на кладбище, но...

Но я не могла его отпустить.

Отпустить его – значит, потерять себя. Остатки себя. То, что еще не растворилось в этом чужом злом мире.

Время остановилось. Дни шли за днями, а я сидела в своей комнате, лишь изредка выходя в туалет. Почти ничего не ела – мама силой пихала еду. Она заботилась обо мне, но, кажется, сама чувствовала себя не очень хорошо. Ей часто было плохо, и тогда я говорила сама себе, что не имею права мучить ее и старалась есть. Ну или делать вид, что ем.

Отчим все это время вел себя спокойно, а может быть, мне просто не было до него дела, как и ему до меня. То, что произошло в подъезде, так и осталось висеть в воздухе. Мне было плевать, а Андрею это было на руку. Мама почему-то тоже больше не поднимала эту тему.

Лорд приходил в себя. Леха забрал его себе домой, и я была рада этому. Теперь нужно было пристроить Обеду, к которому я за эти дни очень привыкла. Он жил в моей комнате, никуда не выходя, и вел себя примерно. Но порою сидел на подоконнике, смотрел на дом, в котором когда-то жил, и глаза его были грустными. А может быть, мне просто казалось.

В школу я не ходила. И часами пересматривала те несколько видео с Димой, которые у меня были, кляня себя за то, что не сделала больше. Ведь была возможность, была! А я...

Я выучила их наизусть – каждый кадр. Знала каждое слово, каждое движение. Но каждый раз смотрела, как в первый. Затаив дыхание.

Первое видео. Дима сидит на диване в своей квартире, по одну сторону от него лежит Обед, по другую – Лорд, еще здоровый. Он смотрит на меня с осуждением, потому что не хочет, чтобы я снимала его, а я смеюсь за кадром. И говорю, что Дима похож на заботливого отца двух детей. Он закатывает глаза, а мне становится еще смешнее.

Второе. Дима стоит на балконе, лениво щурится, наблюдая за отблесками заката. На нем футболка, обнажающая сильную руку, на которой набита татуировка. Он такой красивый. Я фокусируюсь на его глазах, делаю приближение. Они разного цвета: один – карий, второй – зеленый. И они обрамлены густыми темными ресницами. Я касаюсь их кончиком указательного пальца, и Дима зажмуривает один глаз, не сводя с меня взгляда. А потом ловит мою руку и прижимает к своей щеке.

Третье. Мы в обнимку лежим на диване, и я, подняв руку, снимаю нас двоих – его и себя. На Диме нет футболки, и я чувствую жар его тела. Этот жар будоражит меня, и я глажу его по руке, тая от счастья. Дима смотрит в камеру, и мне каждый раз кажется, что он смотрит прямо в душу. А потом целует в щеку. Но не меня, а другую Полину. Ту, которая все еще остается в неведение о том, что произойдет совсем скоро. Дима целует меня в щеку.

«Ты моя девочка», - хрипло говорит он мне и закрывается пальцами в распущенные волосы.

Все мысли были о нем. И я даже спала в его футболке, которую успела забрать из квартиры. Теперь она принадлежала другим людям – в ней сменили замок.

В школу я пошла в ноябре, когда более менее пришла в себя, и перестала плакать ни с того, ни с сего, или бездумно смотреть в одну точку, теряясь во времени и пространстве.

Лишь за день до этого я узнала, что Вала и Леху выгнали из школы. Формально – за очередную мелкую провинность. Но на самом деле это произошло потому, что парни были из простых семей и к школе их прикрепили из-за прописки. Но после того, как Димы и его могущественного отца не стало, активизировалась мать Есина, которая до сих пор точила зуб и на директора, и на Диму, и на его друзей из-за сыночка.

По слухам она пришла в администрацию школы и потребовала выгнать Леху и Вала, потому что они мешают учиться ее ненаглядному сыночку. Запугивают, как и Барсов в свое время. И она просит, нет, требует, чтобы этих аморальных личностей исключили. Иначе придется отправлять в школу серьезную проверку – мать Есина занимала высокую должность в министерстве образования, поэтому могла это организовать.

Дамблдор испугался за должность и, поняв, что Сперанский больше не сможет ему помочь, нашел повод выгнать парней из школы. Уж не знаю, как он это провернул, но больше Вал и Леха с нами не учились.

Глава 6. Больше не вместе

Обо всем этом мне рассказала Дилара, когда пришла ко мне в гости. Из дома после похорон я не выходила. Сидела в своей комнате, не замечая, как дни проходят за днями. Я жила словно робот, все делала на автомате. Могла не есть, если не напоминала мама, забыла, что нужно мыть голову, стала равнодушной ко всему, даже к любимой музыке. И не испытывала почти никаких эмоций. Если бы не котенок, за которым нужно было ухаживать, я бы совсем пропала. Обед так и жил в моей комнате – тут у него стояли миски и кошачий туалет.

- Выгнали? – переспросила я подругу. Удивление – это была первая эмоция, кроме боли за долгое время.

- Да... Уроды! Я просто в шоке. Это все мать Есина. Из-за нее выгнали Леху с Валом.

Я тяжело вздохнула. Ну как же так?

- Вы помирились с Лехой? – спросила я тихо.

- Нет... - Покачала Дилара головой и сжала пальцами школьную юбку – ко мне она зашла после школы. – Не получилось. Мы разговаривали, Полин. И ничего не получилось...

Дилара и Леха встретились спустя несколько дней после похорон Барса. Пришли в кафешку неподалеку от школы, где иногда зависали вместе, смеясь, дурачась, воруя друг у друга еду или украдкой целуясь. Но в этот раз между ними не искрило – напротив, оба чувствовали холод.

Леха тяжело переживал потерю друга. Сидел поникший, с опущенным взглядом, положив руки на колени. И не смотрел на Дилару, словно стыдясь встретиться с ней взглядом. Его лицо осунулось, а вместо привычной улыбки на лице застыла горечь.

В школу он не ходил, на звонки не отвечал, и это была их первая с Диларой встреча за долгое время.

Девушке хотелось обнять его или хотя бы коснуться руки, но она неподвижно сидела, вцепившись в рюкзак, лежащий на коленях. Смерть Димы она тоже тяжело переживала.

В последние недели они так здорово общались все вчетвером, и его Дилара считала уже не просто своим одноклассником, которым восхищалась со стороны и вместе с тем побаивалась, а другом. Сколько раз они сидели у него в гостях до самого вечера, сначала занимаясь с Полиной, которая была умнее всех их троих вместе взятых! А потом ели пиццу, играли во что-нибудь или просто болтали о жизни. Дилара привыкла к Барсу. И не понимала, почему он ушел так рано – за день до своего восемнадцатилетия. Это было ужасно, ужасно несправедливо!

Что чувствовала бедная Полина, Дилара даже представить не могла. Потерять любимого человека – большая трагедия. Незаживающая рана на душе, которая всегда будет болеть. Дилара старалась поддерживать подругу, но та почти не шла на контакт – была в депрессии. Лешу она тоже хотела поддержать, но и он затаился, переживая боль утраты в одиночестве.

Дилара настояла на встрече не только потому, что хотела обсудить то, что произошло между ними. Она просто хотела увидеть того, кого любила. Понять, как он. Утешить. Поддержать.

Сначала они оба молчали.

- Как ты? – спросила Дилара первой.

Леха пожал плечами.

- Норм. А ты?

- И я... Норм.

Норм – дурацкое слово. Фальшивое.

Снова молчание.

- Я знаю, что ты очень переживаешь из-за того, что случилось с Барсом, - сказала Дилара, еще крепче сжимая рюкзак на коленях. – Это ужасно.

Он кивнул.

- Не понимаю, как это произошло.

- Никто не понимает, - отрывисто сказал парень.

- Бедный Дима... Боже. Все время думаю о нем. Тебе, наверное, тяжело?

- Не хочу говорить об этом, - оборвал ее Леха, и девушке почудилось, что на в его глазах блеснули слезы. Будто осколки.

- Ладно... А о чем ты хочешь поговорить? – нервно сглотнув, спросила Дилара. – Может быть, о нас?

- О чем разговаривать? Ты меня бросила, - ответил он, откинувшись на спинку стула и сложив руки на груди. – По телефону.

- Потому что ты мне изменил, - свела густые брови к переносице девушка. И добавила: - Со своей бывшей. Так, напоминаю на всякий случай.

Холод между ними усилился.

- Я же сказал тебе. Ничего не помню о вписке у Мэла, - сказал Леха, глядя Диларе прямо в глаза.

- Как удобно, - вырвалось у нее.

- Не веришь? Зря. Повторяю еще раз. Мы с пацанами выпили какой-то дряни из бара отца Мэла, и я пришел в себя только утром. Если что-то и было... Я реально не помню. И отрицать ничего не буду. Да, моя бывшая действительно там была. Я писал Барсу об этом. Что она как будто меня преследует. Может быть, я потерял контроль. Не знаю я! Короче, не буду сейчас сидеть и гнать тебе, что хороший. И что этого не могло быть.

- Конечно, не будешь, - выдохнула Дилара. – Я ведь видела те ваши фотки. И слышала ее голос, когда звонила. Не поверю, что ничего не было.

- Она ворвалась ко мне в комнату! – начал закипать парень.

- Сколько совпадений, правда? Еще и ночь вы провели вместе в одной комнате. Кое-кто сказал мне об этом.

Леха тяжело вздохнул.

- Что ты хочешь услышать, Диль? Что я сожалею? Что мне жуть как стыдно? Что готов на все, чтобы тебя вернуть? Что?

Сердце предательски екнуло.

Диля... Только Леша ее так называл, когда они были наедине. Даже дома ее называли только полным именем.

- Может быть, ты хочешь извиниться? – хрипло спросила девушка.

- Прости, что, возможно, изменил тебе. Стало легче? – ухмыльнулся Леха. – Мне – нет. Я ведь отвратительный. И ты жалеешь о каждом дне, который ты провела со мной.

Он цитировал ее сообщение, в котором Дилара бросила его.

- Неужели ты обиделся на меня? – криво улыбнулась девушка. – За то, что я не захотела остаться с тобой после всего этого? Какая у тебя тонкая душевная организация, оказывается, Леш. Подумать только, я узнала о твоей измене, а ты обиделся!

- Прикинь, да? Какой я козел, - хмыкнул Леха.

Она не этого ждала от их разговора. Дилара думала, что Леша попытается объясниться, искренне попросит прощения, скажет, что ему плохо без нее. Ей ведь тоже плохо! А вместо этого он стал наезжать в ответ. А ей не хотелось с ним ругаться. Он ведь не в себе после потери друга.

Им не нужно ссориться... По крайней мере, сейчас. Это неправильно.

Девушка молчала.

- Я не буду умолять тебя быть со мной. Или там начинать сначала. Потому что я типа виноват. Мне не хочется выяснять отношения. Мне вообще ничего не хочется.

- Хорошо, я поняла, - кивнула Дилара. – Не уверена, что я смогу тебя простить. Измена – это табу. Даже если ты не помнишь ее, она была.

Его лицо исказила боль, и Леха крепко стиснул зубы – так, что на скулах заиграли желваки.

- Не хочу ссор и выяснения отношений. Знаю, тебе сейчас фигово, - проложила девушка, чувствуя, как сильно колотится от волнения сердце. – Держись. А я пойду.

Дилара резко встала из-за стола, сделала пару шагов, но вернулась к Лехе, который сидел неподвижно и глядел в одну точку.

- Не прогуливай школу, Леш. Это неправильно. Вас и выгнать могут. Пока.

Понимая, что вот-вот расплачется, Дилара сделала шаг в сторону, но парень вдруг схватил ее за руку.

- Постой, - едва слышно сказал он.

- Что?.. – прошептала она. И вдруг подумала – вдруг он скажет, что не хочет, чтобы она уходила?

Но Леха сказал другое:

- Прости. Если сможешь.

- Конечно, - улыбнулась Дилара. – Когда-нибудь.

Она с трудом вырвала руку из его пальцев и ушла, чувствуя, как глаза наполняются слезами. Теперь все окончательно кончено.

Глава 7. Месть

- Скучаешь по нему? – спросила я, выслушав подругу, и она кивнула.

- Скучаю, Полин. Очень. Знаешь, если бы Леша просил, умолял, клялся никогда бы так больше не поступать, я бы, может, простила его, но... Он не стал отрицать. Сказал, что, возможно, реально изменил. Что не будет строить из себя хорошего парня.

- Он был честным с тобой, - вздохнула я. –

- Да... Но от этого еще сложнее. Может быть, ему и не нужны были наши отношения. Он не цеплялся за меня, - сказала Дилара. – А может быть, после смерти Димы ему стало все равно. Я очень хотела поддержать Лешу. Но он о Диме даже и говорить не захотел...

Я судорожно сцепила руки на коленях. Его имя сложно было даже слышать. Поэтому Леху я в чем-то понимала. Самой ничего не хотелось. Хотелось закрыть глаза и исчезнуть. Раствориться в ноябрьском стылом небе.

- Наверное, нам лучше не быть вместе, вот и все, - закончила подруга. – Он не звонил, не писал, хотя я его разблокировала. В школе мы почти не общались. Стали чужими.

- Но он хотя бы жив, цени это, - сказала я, прикрыв глаза. – Я бы все отдала, чтобы Дима жил. Даже если бы мы были не вместе. Главное, чтобы жил...

Сердце заныло. Как он там один? Встретила ли его мама?..

- Полина! - Подруга обняла меня. – Моя хорошая... Не знаю, как ты все это переживаешь. Ты очень сильная. Очень. Ты со всем справишься!

Мы просидели вместе пару часов. И я была благодарна Диларе за то, что она была рядом, и все это время пыталась меня поддерживать, как могла.

На следующий день мы встретились перед школьными воротами, взяли за руки и вместе пошли в здание. На улице было темно, лишь на востоке горела узкая полоса неба – занимался осенний холодный закат. Листья уже облетели, но снега еще не было, и деревья казались голыми и беззащитными. А всюду царил серость.

На стенде перед входом висела большая фотография Димы в черной рамочке. А внизу располагался стол, на котором стояли свечи и лежали засохшие цветы. Символ памяти о погибшем ученике.

Я остолбенела от неожиданности. Казалось, Дима смотрел прямо мне в глаза, и от этого было не по себе.

Любимый, как ты? Поддай знак, если все хорошо. Пожалуйста.

Поняв, что мне нехорошо, Дилара потянула меня за собой.

На меня снова смотрели – как и раньше. Только взгляды были иными. Кто-то смотрел с сочувствием, а кто-то – как будто с издевкой, словно радуясь, что моему счастью пришел конец. Но мне было все равно. Расправив плечи, я шагала по школьным коридорам и лестницам. Это раньше взгляды сводили меня с ума, а сейчас было все равно. Когда теряешь самое важное, остальное потерять уже не боишься. Мне не было дела до других.

Оставив вещи в шкафчиках, мы с Диларой поднялись на второй этаж в кабинет математики. Едва я переступила порог, как все одноклассники и одноклассницы повернули головы в наши стороны. Кто-то смотрел с опаской, кто-то – с сочувствием, кто-то – с радостью, как, например, тот самый Есин, которого Дима однажды ударил.

Глядя на его физиономию, осветившуюся улыбкой, я почувствовала злость. Захотелось подойти к Есину, схватить за ворот выглаженной мамочкой рубашки, встряхнуть и спросить: «Радуешься, что Димы нет, уродец?» Но я не стала этого делать. Просто исподлобья смотрела на Есина, и он, наткнувшись на мой взгляд, вдруг отвернулся. Будто не выдержал его.

Я опустилась на свое место. Рядом было пусто. И позади – тоже. Леха ведь больше с нами.

- Сяду к тебе, - сказала я Диларе и кинула рюкзак на ее парту.

- Ольга Владимировна не позволит, - вздохнула она.

- Плевать. Я сама себе позволю, - ответила я.

В класс вошли Милана и близняшки. Увидев меня, они переглянулись и поспешили к нашей с Диларой парте.

- Мне так жаль, что Барс умер, соболезную, - сказала Милана, коснувшись моего плеча, и меня почему-то передернуло от этого.

- Спасибо, - ответила я.

- Понимаю, что мы с вами были в плохих отношениях, - продолжала Милана, - но хочу, чтобы вы знали, девочки. Мне правда жаль.

- И нам жаль, - подхватили близняшки. – Это просто ужасно!

- Если я могу тебе чем-то помочь, только скажи, - улыбнулась Милана.

Я ничего не ответила – лишь кивнула, выкладывая из рюкзака вещи.

Следующим, кого я увидела, был Егор Власов. Он вошел в класс легкой беззаботной походкой короля жизни, слушая музыку через дорогие беспроводные наушники. И выглядел как человек, довольный жизнью. А я вспомнила его интервью местному каналу, в котором он говорил о Диме гадости. Урод!

Меня поглотила злость – такая что лицо начало гореть, а кончики пальцев, напротив, стали ледяными. Я поднялась из-за парты и направилась к нему, не слушая тихие протесты Дилары, которая все поняла. Остановилась напротив, склонив голову на бок. И улыбнулась.

- О, привет, новенькая, - ухмыльнулся Власов, с любопытством разглядывая меня. – Как дела?

- А как ты думаешь? – спросила я чужим голосом. В этот момент меня раздирали на части ярость, и я едва сдерживала себя.

- Думаю, плохо, у тебя же умер парень, - с фальшивым сожалением сказал Власов. – Прими соболезнования.

- Обойдусь без них.

- Тогда что ты хочешь? – просил Власов.

- Сколько тебе заплатили за то, чтобы ты наговорил журналистам фигню о Диме? – прямо спросила я, чувствуя непреодолимое желание ударить его, да как можно больнее.

- О чем ты? – поднял бровь Власов.

- Не придуривайся. Я тебя узнала.

На лице одноклассника расплылась улыбка, которая сделала его красивое лицо отвратительным. Он склонился ко мне и прошептал на ухо:

- Прилично, Туманова. Хватило на новый айфон и айподсы.

- С этого момента береги себя, Егор, - тихо сказала я. – Оборачивайся по вечерам. И не ходи один.

Улыбка исчезла с его лица. Он ждал, что я начну кричать, истерить или плакать. А я угрожала.

- Что ты мне сделаешь? – спросил он деланно весело, но в глазах появилось беспокойство.

Я улыбнулась еще шире и похлопала его по щеке, чувствуя при этом отвращение.

- Скоро узнаешь, дорогой. Только дай мне время.

- Эй, крыса! – вдруг раздался голос Малиновской. – Не смей трогать моего парня!

Чьи-то цепкие пальцы вцепились в мои волосы. Меня оттащили от Власова и толкнули в спину, заставив больно врезаться в учительский стол. Я резко обернулась и увидела Лику Малиновскую и ее подружек. Они довольно скалились, глядя на меня. Без Димы, Лехи и Вала они вновь почувствовали себя главными.

- Значит так. С этого момента Туманова у нас больше не королева школы, - с ухмылкой провозгласила Малиновская. – Барсова больше нет. Моисевич с Костровым выгнали. Кто будет защищать тебя, детка? Я ведь все запомнила. Все! Ты на коленях передо мной ползать будешь, поняла, тварь? Поняла? Эй, не слышу ответа!

- Пошла в задницу, Малиновская, - отчетливо ответила я, чувствуя, как в висках бьется пульс. – Пошла! В задницу!

Перестав контролировать себя, я бросилась на Лику и схватила – но не за волосы, как обычно это делают девчонки во время драки. А за шею – как показывал Дима, когда учил меня приемам самообороны и нападения. Он называл это «захват за кадык». Дима много всяких приемов показывал. И отработывал их со мной. Говорил, что на всякий случай. Мало ли что может случиться.

Многое из этого я запомнила. Хотя обычно наши небольшие тренировки заканчивались поцелуями, когда мы лежали на полу или диване...

От неожиданности Малиновская даже не смогла сопротивляться. Я прижала ее к стене, не отпуская шеи. У меня не было достаточно опыта, а может быть, и сил, чтобы сжать ее гортань должным образом. Так, чтобы она потеряла сознание от нехватки кислорода. Поэтому Малиновская быстро пришла в себя и стала бить меня по плечам изо всех сил.

- Отпусти меня, тварь, отпусти, - шипела она змеей, пока одноклассники за нашими спинами оживленно переговаривались. Только Дилара кричала, чтобы мы остановились.

Я пыталась блокировать удары Малиновской свободной рукой, другой все так же больно удерживая ее за горло. Но получалось плохо. Тогда я тоже несколько раз ударила ее.

- Вы что делаете?! – раздался возмущенный голос Ольги Владимировны. – Немедленно прекратите! Полина, Лика! С ума сошли?! Вы что устроили в классе?!

Услышав голос классной руководительницы, я отпустила Малиновскую, а та перестала бить меня по плечам и отпрыгнула в сторону, держась за шею.

- Туманова меня чуть не задушила! – жалобно закричала она, сразу же приняв позицию жертвы. – Она ненормальная!

- Полина, что случилось? – нахмурилась классная, глядя на меня.

Но я ничего не говорила. Молчала. Зато Малиновская не закрывала рот:

- Туманова на меня напала! Просто так! Говорю же, поехавшая!

- Лица, помолчи, - поморщилась Ольга Владимировна и сказала мне идти следом за ней, а остальным велела сесть и начать делать упражнение.

Мы молча вышли из класса и попали в пустой коридор – оказывается, уже прозвенел звонок, и начались уроки. Классная отвела меня за угол и остановилась. Я думала, она начнет ругать меня, он нет. Ольга Владимировна вдруг коснулась моего предплечья и мягко произнесла:

- Полина, как ты? Ты можешь мне рассказать обо всем. Я помогу, если нужно.

В ее голосе было столько заботы, что я растерялась. И вся та ярость, что кипела в груди, испарилась, оставив после себя горечь.

- Полина, я знаю, что ты очень переживаешь из-за того, что случилось с Димой. Мы все переживаем, все скорбим, - продолжала она тем самым тоном, который обезоруживал меня. – Ты близко общалась с Димой. Наверняка он был для тебя особенным человеком. И его уход... повлиял на тебя. Но ты должна держаться, Полина. Ради него. Не ввязывайся в конфликты с Малиновской и ее компанией. Это ничем хорошим не закончится. К тому же ее мать – завуч. Хоть и завуч младших классов, но влияние на директора имеет. Дочь всегда подстрахует. А кто подстрахует тебя, Полина?

Никто. Разве ответ не очевиден?

- Конечно, я буду тебя отстаивать, но не все в моих силах. Поэтому, повторюсь, держись. И ни во что ни вмешивайся.

- Хорошо, Ольга Владимировна, - ответила я и она с теплой улыбкой, за которой скрывалась грусть, погладила меня по голове. Как маленькую.

- Что между вами происходит? Я же знаю – вы не ладите.

Я задумчиво поглядела на учительницу. Она ведь наверняка не в курсе того, что произошло в первые учебные дни. Как я стала изгоем, а потом – девушкой самого опасного парня. Учителя часто вообще не догадываются о том, что происходит с нами на самом деле. И рассказывать я ничего не стану. Если раньше было стыдно говорить об этом, то сейчас я просто сама хочу решить все свои проблемы. Чувствую, что могу сделать это сама. Без взрослых.

- Просто я ей не нравлюсь. А она не нравится мне.

- Мне тоже много кто не нравится, - вздохнула классная. – Но если я буду драться со всеми, кто мне не нравится, начнется дурдом.

Я улыбнулась против воли. Не могла представить хрупкую классную в драке.

- Что ты улыбаешься? – усмехнулась Ольга Владимировна. – У меня пояс по тхэквондо. Если

нужно – могу за себя постоять, да еще как.

- Ничего себе.

- Если в тебе много боли или злости, ты тоже можешь заняться спортом. И выплескивать их на тренировках. Поверь, это работает.

- Спасибо, я подумаю над этим, - ответила я.

- Я уже предлагала тебе через маму занятия со школьным психологом. И предложу еще раз. Если тебе нужна поддержка, я отведу тебя к нему. Вы будете заниматься. Со временем тебе станет легче.

Я помотала головой.

- Спасибо, но не надо. Я не могу говорить об этом. По крайней мере, сейчас.

- Понимаю. Но если тебе понадобится поддержка или помощь – неважно, какая, обещай, что попросишь их у меня.

Снова кивок.

- С Ликой я поговорю после урока. Она умеет провоцировать, но ты не должна поддаваться. Пожалуйста, держи себя в руках и все вопросы старайся решать словами, а не кулаками. Иначе придется вызывать твоих родителей. И решать все в кабинете директора. Вы уже не маленькие. Выпускники. Должны все понимать.

- Хорошо, я постараюсь.

- Вот и умничка. А теперь идем на урок.

Учительница первой развернулась, чтобы направиться в кабинет. А я окликнула ее по имени:

- Ольга Владимировна.

- Что?

- Не был, - тихо сказала я, глядя в окно, за которым бушевал ветер, качая голые ветки.

- Не поняла, - нахмурилась она.

- Дима не был для меня особенным человеком. Он до сих пор остается им.

Классная лишь кивнула и поспешила отвернуться – я заметила, как в ее глазах блеснули слезы. Ей было жаль Диму. На похоронах она плакала – единственная из всех учителей, которые пришли в тот день.

Мы вернулись в кабинет. Я села на свое место рядом с Диларой, и Ольга Владимировна, заметив это, ничего не сказала. Кажется, она дала молчаливое согласие на то, чтобы теперь мы сидели вместе.

- Что она тебе сказала? – встревоженно прошептала Дилара. – Родителей вызовет?

- Нет, просто попросила не драться, - тихо ответила я.

- Ты с ума сошла! Полезла в драку с Малиной! Я чуть не умерла от страха!

- Все ведь хорошо? – через силу улыбнулась я. И Дилара легонько пнула меня под столом.

Начался урок. Но я не слушала классную – не могла сосредоточиться. Зато чувствовала на себя взгляды одноклассников и порою слышала шепотки. Наверняка обсуждали меня.

В конце урока мне на парту прилетела записка. Я развернула ее и прочитала: «Тебе не жить, крыса». Очередной привет от Малиновской. Знакомая волна злости захлестнул меня, и я обернулась на Лику, которая сидела за последней партой и ухмылялась, глядя на меня. Власов тоже смотрел со своего места, но без ухмылки, а спокойно – он ничего больше не боялся и чувствовал себя безнаказанно.

Спокойно, Полина. Спокойно. Не совершай опрометчивых поступков.

Я несколько раз вдохнула и выдохнула. Злость медленно отступила.

Прозвенел звонок. Ольга Владимировна дала домашнее задание и позвала за собой Малиновскую и ее подруг – видимо, на разговор. Им пришлось уйти. Остальные одноклассники и одноклассники ничего мне не говорили. Делали вид, что меня не существует. Ну и Дилары тоже. Власов без Малины тоже особой смелостью не блистал. Кинув на меня неприятный взгляд, он свалил из класса.

Мы с Диларой тоже пошли на второй урок. Обе старались держаться уверенно, хотя я заметила, что пальцы подруги слегка дрожат.

- Насчет обеда. У меня две новости, - уже не лестнице сказала Дилара.

Она помогала мне искать ему новый дом – я чувствовала, что отчим больше не станет терпеть присутствие в своем доме кота. И так несколько раз выговаривал маме о том, что теперь ему приходится пить кучу лекарств от аллергии. Как назло, найти добрые руки Обеду не получалось. А может быть, я просто не хотела отдавать его кому-то. Как будто тем самым я предавала Диму.

- Какие? – встрепелась я.

- Плохая и еще хуже, - ответила Дилара. – С какой начать?

- С плохой.

- Наша соседка, которая хотела забрать Обеда, отказалась. Сказала, что хочет породистого.

Я вздохнула.

- А какая новость еще хуже?

- Мы с сестрой уговорили маму взять Обеда! – радостно выпалила подруга. – Расслабься, Полинка, я пошутила, что новость плохая!

- Серьезно?! – воскликнула я. Отдать Обеда Диларе было лучшим решением. Я всегда смогу видеться с ним.

- Да! Так что мы его забираем.

На эмоциях я обняла подругу. Впервые со дня гибели Димы я чувствовала радость. Ну или ее подобие.

Глава 8. Стала сильнее

Несколько уроков прошло спокойно, хотя взгляды и шепотки не прекращались. На большой перемене Дилара потащила меня в столовую. Взяв еду, мы по привычке пошли к столику, который считали своим – там мы обедали со своими мальчишками раньше. Однако он был Малиновской и ее компанией, среди которой я заметила Есина и даже нескольких парней из параллельного класса, с которыми некогда общался Дима. Заметив нас, они перестали смеяться и замолчали, как-то странно глядя.

Разумеется, мы ушли. Сели за свободный столик, но внутри осталось гадкое чувство. Из чувства мести Малина и Власов настраивали против нас с Диларой людей не только из класса, но и со всей школы.

- Я боюсь, - вдруг призналась подруга, когда мы молча пили чай.

- Чего? – нахмурилась я, снова чувствуя на себя эти дурацкие взгляды.

- Нехорошее предчувствие. Как будто должно произойти что-то плохое.

- Оно уже произошло. Что может быть еще хуже?

Странно, но мне было все равно. Я не боялась. Только злилась.

Наверное, во мне что-то сломалось.

Услышав звонок, мы погнали на следующий урок. Атом не любила, когда кто-то опаздывал.

Интуиция Дилары оправдала себя. Мы пришли на следующий урок, который вела Атом.

Пока она объясняла новую тему, повернувшись к доске и записывая на ней что-то, в меня прилетела смятая бумажка. Потом вторая, третья... А потом прилетела жвачка. Попала прямо в волосы. Я поняла это, коснувшись головы и почувствовав запах ментола.

Сначала было изумление. Что? У меня в волосах жвачка? Которая только что была у кого-то во рту? Серьезно?..

Потом растерянность. Хотелось вскочить с места и убежать подальше. Спрятаться от всех.

А затем... Затем пришла ярость. Холодная злая ярость, от которой леденела кровь в венах.

Я медленно встала.

- Кто это сделал? – тихо, но отчетливо спросила я.

Весь класс уставился на меня. Кто-то с удивлением, кто-то со страхом, а кто-то с весельем. Малина и ее компания.

Услышав мой голос, Атом тотчас повернулась и сузила глаза:

- Туманова, сядь!

- Я спросила – кто это сделал? – повторила я, игнорируя учительницу.

- Сядь немедленно! Ты что себе позволяешь?

- Кто. Это. Сделал? – повысила голос я.

Сначала я думала, что это Есин – больно уж он погано улыбался. А потом поняла, что не он, а сидевший рядом парень – Стас Бочкарев. Откинувшись на заднюю спинку стула, он смотрел на меня с вызовом. А потом повернулся к веселой Малине и улыбнулся ей, словно говоря: «Посмотри, это я сделал». Бочкарев хотел ей понравиться.

Ярость овладела мной так, что я забыла обо всем на свете. Я встала, подошла к Бочкареву, и, не понимая, что делаю, взяла его сумку. Подскочила к окну и выбросила ее – хорошо, хоть додумалась открыть окно.

Бочкарев даже сказать ничего не успел – так опешил. Весь класс изумленно замолчал. А у Атома из руки выпал мел.

Секунд десять стояла тишина – до тех пор, пока я не вернулась на свое место. А потом заорала Атом:

- Туманова, ты с ума сошла?!

И Бочкарев кинулся на меня, схватил за плечо и поднял с места.

- Ты охренела?! Что с моей сумкой сделала, дура тупорылая?! – закричал он яростно и начал меня трясти.

Он был сильнее и выше. Он был парнем. А я – хрупкой девушкой. Но я не собиралась отступить. Поймала его взгляд и прошипела:

- Отпусти меня, иначе пожалеешь.

Словно наяву я услышала слова Димы: «Самое главное – это взгляд. Победит тот, кто первый опустит глаза».

И я смотрела на Бочкарева так, как на него бы смотрел Барс.

Одноклассник вдруг отступил. Перестал меня трясти. Убрал руки. Облизал губы.

Мой взгляд заставил его отступить.

- Быстро пошла за сумкой! – как-то неуверенно выкрикнул одноклассник и резко замолчал. Потому что я шагнула к нему и коснулась щеки, заставив оторопеть не только Бочкарева, но и всех остальных, включая Атома, которая даже перестала верещать.

- А что сделал ты? – спросила я нежно. Мой пристальный взгляд и эта нежность совсем не вязались друг с другом. – Ты испортил мою прическу. Я испортила тебе сумку. Мы теперь квиты, не находишь? Или мне нужно было выкинуть тебя, а не сумку?

- Туманова, ты ненормальная! – закричала одна из подружек Малины.

- Крыса совсем чокнулась! – подхватили другие.

- А ну быстро все расселись по своим местам! – рявкнула Атом. – Бочкарев, бегом за своей сумкой! Только одеться на забудь. А ты, Туманова, к директору после урока пойдешь.

- Могу и сейчас пойти, - спокойно ответила я.

- Молчать! – стукнула она кулаком по столу. – Остальным немедленно сосредоточится на новой теме!

Бочкарев вернулся вместе с рюкзаком спустя пять минут. Жаль, я попала на траву, а на не в лужу на асфальте. Так что его потери были минимальными – ничего не повредилось, ничего не замаралось.

После урока обозленная Атом потащила меня за собой – но не к директору, который, как оказалось, в этот момент отсутствовал, а в учительскую. Там уже были Ольга Владимировна и еще несколько педагогов, которые отчитали меня, а после попросили выйти из учительской.

Не знаю, что там происходило – кажется, классная пыталась отстоять меня. И, кажется, у нее

это получилось. Она вышла из учительской и повела меня к себе в класс, который сейчас пустовал.

- Полина, мы же только утром с тобой разговаривали, - хмуро сказала Ольга Владимировна, когда мы оказались внутри. – Что происходит?

Я пожала плечами.

- Полина, милая, я понимаю, что сейчас у тебя нелегкий период. Поверь, мне тоже тяжело. Но ты не должна вести себя так, понимаешь? Я едва уговорила Алену Томасовну замять конфликт – только потому, что у Бочкарева, слава богу, в рюкзаке ничего не поломалось и не оторвалось. А если бы там телефон лежал? Представляешь, что было бы, если бы ты ему телефон сломала?

Я снова пожала плечами. А что тут скажешь? Что мне плевать?

- В общем, Алене Томасовне я обещала, что переговорю с тобой. Но если ты еще что-нибудь вытворишь, мне придется вызвать твою маму.

- Простите, - сказала я. Неискренне. Мне было плевать. Не на классную, а на то, вызовет ли она маму или нет.

- Ладно, беги на урок. Понимаю, что ты ничего мне рассказывать не собираешься. Но если у тебя проблемы – все-таки дай знать, ладно?

Я молча кивнула и повернулась к двери.

- Стой. Что с волосами? – вдруг спросила Ольга Владимировна. Заметила все же. Кроме нее никто из взрослых не заметил.

- Жвачка, - коротко ответила я.

- Бочкарев кинул? – догадалась классная. – Вот же мерзав... То есть, я хотела сказать, мерзкий поступок, - поправилась она спешно. – Так, давай я аккуратно состригу прядь волос. Незаметно получится. Хорошо?

- Хорошо.

Глава 9. Неожиданная новость

Ольга Владимировна действительно состригла небольшую прядь волос, к которым намертво прилипла жвачка, все так же отвратительно пахнущая ментолом.

- Ты мне кое-что напомнила, - неожиданно сказала она, поправляя мои волосы.

- Что? – без особого интереса спросила я.

- У меня поначалу такие разговоры с Димой были, когда он только перевелся. Он ведь сначала вообще был как волчонок. Дикий. Бросался на всех. Потом уже повзрослел. Одумался.

Сердце защемило, и я поспешила уйти, чтобы не расплакаться перед классной. В школе я никогда не буду плакать. Никогда.

Я вернулась в класс, снова и снова ловя на себе чужие взгляды и отчего-то злясь. Отсидела последний урок, погрузившись в свои мысли и не слыша не единого слова учителя. И на автомате стала собираться, когда прозвенел звонок.

Возле шкафчиков меня поджидали Малина и ее свора. Во взгляде Лики взгляде было отвращение. Ну и что еще ей нужно?

- Туманова, - перегородила она мне дорогу. – Нам бы с тобой поговорить по-взрослому. По-особенному.

- Это как? – ухмыльнулась я, закрывая собой Дилару, которая испугалась.

- Сама как думаешь? – процедила она сквозь зубы.

- Это как в фильмах восемнадцать плюс? Извини, с тобой я так разговаривать не готова, - хмыкнула я.

- Больная! Думаешь, самая крутая? Или как?

- О тебе вообще не думаю, - отрезала я. – Дай пройти.

Я попыталась оттолкнуть Малиновскую, а она схватила меня за локоть.

- Жду тебя на точке. Побазарим за жизнь.

Точкой называлась заброшенная стройка неподалеку от школы. Когда-то там возвели несколько первых этажей дома, но потом компания разорилась и строительство прекратилось. От Димы, Лехи и Вала я слышала, что там порой проходили разборки между парнями. Но сама ни разу не была. И не собиралась.

- Побазарим за жизнь? У тебя словарный запас, как у гопника, - заметила я. – Базарить я с тобой ни о чем не собираюсь. И отпусти меня.

Малина развернулась и ушла вместе со своей сворой. А я взяла свои вещи и натолкнулась взглядом на шкафчик Димы. Его имени на нем больше не было. Значит, скоро его отдадут кому-то другому. А вещи?.. Вдруг там были какие-то вещи? Неужели их выбросили?

Я застыла, борясь с новой порцией подступающих к горлу слез. А Дилара перехватила мой взгляд и словно бы все поняла:

- Полин, я такая дура, совсем забыла сказать! Вещи Димы у Ольги Владимировны! Ты можешь их забрать.

- Правда? – улыбнулась я.

- Правда. Ты сейчас к репетитору?

- Нет, сегодня сразу домой.

- Здорово! – обрадовалась Дилара. - Погуляем немного? А хочешь ко мне в гости? Купим вкусняшек и посмотрим ранов с бантанами!

- Давай в следующий раз? – улыбнулась я. – Домой пойду. Голова болит.

- Хорошо! – обрадовалась Дилара. Она проводила меня до дома, всю дорогу болтая о нашем любимом шоу, а после перешла на знаменитостей, рассказывая, что у кого произошло за это время.

- Скучаешь по нему? – перебила ее я, когда мы подошли к нашему двору, и по старой привычке мой взгляд скользнул на окна Димы.

Подруга сразу поняла, о ком речь.

- Скучаю, - совсем другим голосом сказала она – безжизненным. – И злюсь. Почему у нас все так по-глупому вышло? Почему я ему не нужна?

- С чего решила, что не нужна? – спросила я.

- Просто чувствую. Не нужна, - ответила Дилара.

- А тебе он нужен?

- Нужен. Но я не хочу навязываться. И простить его тоже не могу. Я все прощаю, кроме предательства. Поэтому и с Миланой не могу общаться.

Мы замолчали – каждая молчала о своем.

- Полин, а ты? – спросила Дилара какое-то время спустя.

- Что я?

- Скучаешь?

- Очень, - прошептала я.

Каждую минуту скучаю. Каждое мгновение.

Но я не заплакала – вместо этого широко улыбнулась. Хватит слез.

Мы с Диларой поговорили еще немного, и теперь уже я пошла ее провожать. Домой вернулась спустя полчаса.

В квартире мама была не одна. Я из прихожей услышала щебечущий женский голосок и поморщилась – мать Андрея, Фаина Ивановна.

Я видела ее раза два, и ощущение она оставила неприятное – сладкое, липкое. Будто на тебя вылили ведро патоки, от которой сложно отмыться. А на эту патоку слетелись мухи и облепили со всех сторон. Фаина Ивановна рассыпалась в комплиментах и умилении, но взгляд у нее был острый, и она казалась мне женщиной хитрой и расчётливой. Она напоминала мне Амбридж, только розовый цвет не любила – тяготела ко всем оттенкам желтого.

Не слыша того, что я пришла, они разговаривали. А вот я слышала все.

- Как же я за тебя рада, моя дорогая! И за Андрюшу рада! Надеюсь, у вас будет мальчик. Андрюше нужен наследник!

У меня едва мир не перевернулся. Я затаила дыхание, не в силах поверить в услышанное?

Наследник?..

Мне вдруг стали понятно, почему в последнее время маму часто тошнило. Значит, она беременна.

Но почему мне никто не сказал об этом?

Снова злость – я чувствовала ее отголоски.

Глава 10. Мамин ребенок

- У Андрея ведь уже есть сын, - раздался смущенный голос мамы.

- И что? – ответила Фаина Ивановна. – Ему нужен настоящий наследник! С таким же железным характером, как у моего сына! А Руслан... Избалованный мальчишка! Скверный, наглый. Хамит, дерзит, взрослых не почитает. Родной отец ему не указ! Гонками занимается! Позор какой! Гонки, батюшки святы!

- Это все переходный возраст, - осторожно сказала мама.

- Это все воспитание их матери! Я была против их свадьбы, Дана! Против! Разбалованная хабалка! И что мой интеллигентный Андрюша в ней нашел?

Деньги. Вот что нашел в ней твой Андрюша.

Я механически раздевалась, все еще не понимая, как такое возможно. У мамы будет ребенок от Андрея?

- Но ты сына воспитаешь отлично, Даночка! – прощепетала Фаина Ивановна. – Ты моему Андрюше под стать. Умная, интеллигентная. К тому же и любит он тебя уже сколько лет... Вот увидишь, у вас родится мальчик! Я сон вещий видела! У нас вся семья так рада! Все поздравляют!

- Присоединяюсь к поздравлениям, - вошла я в гостиную, и мама вздрогнула, увидев меня. Тотчас вскочила и улыбнулась, но как-то натянуто. Она чувствовала себя виноватой.

- Я и не думала, что ты так рано придешь, Полинкин!

- К репетитору не пошла, - ответила я. – А я не думала, что ты будешь от меня скрывать такие вещи.

Мама опустила глаза.

- Я не хотела тебя беспокоить.

- Спасибо за заботу, - хмыкнула я, чувствуя холод – не от нее, а от себя. – А, да, здравствуйте, Фаина Ивановна. Рада вас видеть.

Пожилая женщина одарила меня нелестным взглядом, но ее губы растянулись в улыбочке.

- А что, Полиночка не знала? – прощепетала она. – Полиночка, у тебя братик родится скоро, да! Ты теперь у мамы не одна будешь! Ой, Даночка, как хорошо, что у тебя дочь взрослая есть! Помощница! Будет с ребенком сидеть, и няню даже нанимать не нужно! Ночью чередоваться можно – ночь ты с ребеночком, ночь она!

- Я не собираюсь быть нянькой, - неожиданно для самой себя сказала я. Вышло резко. Фаина Ивановна состроила такую гримасу, будто бы я оскорбила ее последними словами.

- Полин, ты чего? - растерянно сказала мама. – Я и не прошу. Понимаешь, мы с Андреем...

Я не дала ей договорить. Оборвала.

- Мне пора уроки делать.

И пошла прочь из гостиной, все еще не понимая, почему от меня скрыли такую важную новость.

- Что-то она у тебя распустилась, Даночка, - услышала я нарочито громкий шепот Фаины Ивановны. – Дерзит. Ты бы построже с ней!

- Я сама знаю, как обращаться со своей дочерью, - ответила мама.

Больше слушать я не стала. Ушла в свою полутемную комнату. Растерянно села на кровать. Что вообще происходит? Почему о том, что у мамы и отчима будет ребенок знает вся его родня, а я – нет?

Злость сменилась непониманием. Я гладила мурлыкающего Обеда и все не могла понять, почему? Изредка я кидала взгляды в сторону окна. Глупая привычка искать глазами окна Димы. Но теперь шторы в моей комнате всегда были закрытыми – так я пыталась отучить себя от этого.

Мама пришла спустя полчаса – после того, как выпроводила Фаину Ивановну.

- Полина, - тихо сказала она, постучавшись в дверь. – Можно к тебе?

- Что? – подняла я голову.

- Хочу поговорить.

Мама села рядом со мной и взяла за руку, и мне почему-то захотелось скорее вырвать ладонь из ее пальцев.

- Прости, что не сказала раньше, - вздохнула она. – Просто мы с Андреем решили, что тебе рано об этом знать.

- Рано? – подняла я бровь. – В смысле?

- Ты была так подавлена из-за смерти Димы, что мы не стали ничего говорить. Решили, что скажем потом, - ответила мама.

- Потом – это когда скрывать уже будет нельзя? – с иронией спросила я.

- Потом – это когда тебе станет лучше.

- Мне никогда не станет лучше, мам, - прошептала я.

- Ты еще полюбишь, - проговорила она, сведя брови к переносице. – Найдешь своего человека. Сейчас только кажется, что мир рухнул. И что никого другого больше не будет. Поверь...

- Не суди по себе, - ответила я. – Я ведь не ты. Через несколько лет не стану рожать от другого.

Да, это было грубо. Да, я должна была сдерживать себя.

Но нет, я не могла. Слишком больно стало. Эта боль обвилась вокруг моей шеи – будто невидимая удавка.

- Так и знала. Ты будешь ревновать! – воскликнула мама. В ее голосе слышались нотки

раздражения.

- Мама. Это не ревность, - вспыхнула я. – Очнись! Это другое! Это совсем другое! Я узнала о том, что ты беременна, от другого человека, не от тебя!

Но она меня не слышала.

- Я буду любить тебя не меньше, чем малыша. Понимаешь? С его появлением ничего не изменится! Ничего! Ты все так же останешься моей девочкой!

- Да не в ревности дело! Я не понимаю, почему ты не сказала раньше? Почему скрывала? Я ведь несколько раз спрашивала, что с тобой не так? Мне обидно, что мой самый близкий человек все скрывал, - прошептала я.

- Это ради твоего блага, Полина.

- Абсурд! Мама, я поверить в это не могу! Ты родишь ребенка от этого уroda... Боже!

- Ты ревнуешь, Андрей был прав... Прошу тебя, не надо. И не говори так о нем. Он твой отчим.

Снова Андрей. Мне захотелось разорвать его на части. Он внушил маме, что я буду ревновать. Что я плохая дочь. Ну разве не урод?!

- Я хочу этого ребенка, Полина, - мама отпустила мою руку и прижала ее к своему животу. - Это мой шанс начать новую жизнь, понимаешь? Забыть обо всем, что было, и идти дальше. Для меня это важно. Знаю, что ты против. Но тебе придется смириться с тем, что вскоре у тебя появится братик или сестренка.

Она будто повторяла заученные слова. И, кажется, была уверена, что я действительно против рождения брата или сестры. Но это было не так. Я была против Андрея, только против этого козла, не больше!

- Я буду одинаково вас любить.

- Хорошо, - прикрыла я глаза. – Я тебя поняла. Теперь можешь идти. Я хочу отдохнуть.

- Полина, это звучит эгоистично, - со слезами на глазах сказала мама. – Мне хотелось, чтобы ты обрадовалась за нас. А ты...

- А я плохая дочь, да, - дернула я плечом. – Сойдемся на этом.

Мне хотелось спросить у нее – а ты не думаешь, что раз Андрей так равнодушен к своим старшим детям, он будет любить твоего? Но промолчала. Иначе она точно будет считать меня законченной мразью.

- Я не говорила этого! Не передергивай!

- Но ты имела это в виду. Ты скрывала, что ждешь ребенка.

- Потому что ты была сама не своя! Я хотела тебя защитить!

- От чего? – холодно улыбнулась я. - Рождение ребенка – это всегда радость. Почему ты решила защищать меня от этого? Потому что считала – я не приму эту новость. Мне это не понравится. Ты решила за меня. Или Андрей решил и внушил тебе. Это неприятно, мама. Я думала, ты мой самый близкий человек.

- Это ревность, - повторила мама снова. – Полинкин, я же сказала – ты всегда будешь моей дочкой. Моей малышкой.

В ответ я лишь кивнула. Мне хотелось спросить у нее – а ты не думаешь, что раз Андрей так равнодушен к своим старшим детям, он будет любить твоего? Но промолчала. Иначе она точно будет считать меня законченной мразью.

Я промолчала, все еще пытаюсь переварить услышанное.

У меня будет брат или сестра. Это хорошо. Но... Почему я чувствую себя преданной?

- Обещаю, имя придумаешь ты, - зачем-то пообещала мама.

- Как думаешь, он согласится назвать сына в честь папы? – вырвался смешок из моей груди. Мама так тоскливо вздохнула, что я замолчала. А, плевать. На все плевать.

Глава 11. Обида в моем сердце

Обида поселилась в моем сердце, и я не могла вырвать ее оттуда. Чувство одиночества захлестнуло с головой, и мне было страшно задохнуться в нем. Казалось, меня оставляют все, кого я любила. И даже мама, даже мама будто становилась чужой.

Я не знала, как с ней разговаривать. И о чем. Наверное, в глубине души я была рада тому, что у меня будет брат или сестра. Но одна только мысль о том, что отцом этого ребенка будет Андрей, вселяла отвращение. Отчим затаился – вел себя нейтрально, но, видимо, только из-за беременности мамы. Я знала, что вскоре он нападет.

Весь день я пролежала в кровати, чувствуя себя физически истощенной. В ушах у меня были наушники, и я слушала любимую группу. Музыка помогала мне прийти в себя. Склеивала разбитое сердце.

Никаких уроков, никаких репетиторов – все, на что меня хватало, была лишь переписка. Сначала с Лехой, который прислал фото Лорда. По его словам, пес все время грустил, почти не играл и плохо ел. Ветеринары говорили, что он все еще восстанавливается после операции, к тому же сказывается перенесенный стресс после потери хозяина.

«Не жалеешь, что взял его?» - спросила я парня, и он вдруг признался:

«Нет. Это же собака Димаса. У нас давно был уговор. Если со мной что-то случится, он присмотрит за сестренкой. Если с ним – я присмотрю за Лордом».

Это звучало так грустно, что я на миг прикрыла глаза. Собака. Это было его единственное близкое живое существо. Только собака. Должно быть, Диме всегда было одиноко. Только такие, как он, не признаются в этом.

«Извини, что спрашиваю. Но что у вас с Диларой?» - написала я Лехе. Этот вопрос тоже волновал меня. Я видела, что подруга хоть и пытается казаться веселой, изменилась. Осунулась от переживаний, и взгляд стал печальным.

«Ты же знаешь. Ничего», - коротко ответил он.

«Ты не хочешь снова с ней пообщаться?»

«Зачем? Все закончилось, Поль. Я козел, который обидел свою женщину. Она рассталась со мной, потому что не смогла простить», - ответил Леха.

«Знаю, что это не мое дело, но... Может быть, ты попробуешь вернуть ее? Она страдает по тебе», - написала я.

«Мне тоже хреново. Но я ведь, по ходу, реально накосячил», - ответил Леха и тут же прислал еще одно сообщение:

«Забей, Полина. Диле не нужен такой, как я»

«Хотя бы попробуй...»

Наша переписка зашла в тупик. Я не видела смысла настаивать.

Около одиннадцати вечера, когда на улице стало совсем темно, мне позвонила Саша. После того дня мы ни разу не общались. И странно было слышать ее вновь.

- Привет, - тихо-тихо сказала она, словно боясь говорить.

- Привет, - эхом отозвалась я.

- Как ты?

- Нормально. А ты?

- И я...

Она замолчала. И это молчание, что повисло между мной и первой любимой девочкой Димы напрягало меня.

- Что ты хотела, Саша? – спросила я.

- Узнать, как ты, - вздохнула она и добавила: - Мне тоскливо. Все время вспоминаю его. Диму. Да, мы не давно не общались, он всего лишь моя детская привязанность, но... Но все равно так плохо. Наверное, и тебе тоже.

Да, мне было плохо. Но я ничего не сказала. Молчала.

- Мне страшно, - вдруг произнесла Саша. – Мама опять в больнице. Папе на нас плевать. Говорят, твоя мама родит ему ребенка. Наверное, он нас совсем забудет.

В ее голосе звучала обреченность.

- Что с мамой? – спросила я.

- Не знаю. Что-то с сердцем. Она не говорит. Не хочет нас расстраивать. Но я понимаю – она что-то скрывает. Мне так страшно, Полина, - прошептала Саша. – Мне кажется, я схожу с ума. Боже, как холодно...

- Где ты? – спросила я, заподозрив неладное. Слишком уж странной была эта девчонка.

- На крыше... - Призналась она, и я нервно сглотнула.

- И что ты там делаешь?

- Смотрю на звезды. Отсюда лучше видно. И город видно, как на ладони. Тут двадцать три этажа, и вид шикарный. А мы живем на третьем. И ничего не видим, - продолжала Саша. – Знаешь, когда я смотрю на звезды, думаю, что одна из них – это Дима. Что он смотрит на меня оттуда. Со своей звезды. Видит. Слышит. Может быть, даже улыбается. Мне кажется, что, если взять разбег и прыгнуть, можно будет попасть на одну из звезд.

Девушка рассмеялась.

- Саша, иди домой, - вздохнула я, понимая, что она не в себе. Мало ли что ей взбредет в голову на этой самой крыше? Двадцать три этажа – это целая пропасть. Вдруг правда прыгнет?

- Не хочу. Брат притащил друзей, я не люблю, когда они у нас, - ответила девушка. – Извини, что надоедаю тебе. Я просто хотела поговорить хоть с кем-то... Пока...

- Стой! – воскликнула я. – Саша, мне тоже хочется с кем-нибудь поговорить...

Я стала нести какую-то чушь, что-то про звезды и небо, а сама поставила звонок на громкую связь, и одновременно стала набирать сообщение ее брату. Благо, номер этого придурка Руслана сохранился.

«Твоя сестра на крыше вашего дома. Забери ее оттуда, с ней что-то не так», - написала я ему, ни на что особенно не надеясь. Если он не ответит, мне придется идти к Андрею. Но сомневаюсь, что ему есть дела до дочери, которую он бросил.

На удивление Руслан быстро ответил мне:

«В смысле? Ты о чем?»

«Саша позвонила мне. Я разговариваю с ней по телефону. И она странная. Забери ее оттуда, пока я с ней разговариваю».

«Ок».

Руслан написал всего одно слово – две буквы. И я не понимала, действительно ли он заберет сестру, или же ему плевать. Я слушала Сашу, которая рассказывала какую-то историю о том, как они с Русланом, матерью и отцом поехали в детстве в Анапу, и не понимала, что делать дальше.

- Тогда папа казался таким хорошим, - говорила Саша. – С большим уважением и нежностью относился к маме. И баловал нас с Русиком – нам было лет по пять-шесть. В тайне от мамы он покупал нам конфеты. И...

Закончить она не успела – видимо, увидела брата.

- Ты что тут делаешь? – удивленно спросила Саша.

- Тебя ищу, - услышала я голос Руслана, и выдохнула с облегчением. Пришел.

- Зачем?

- Чтобы отвести домой.

- Там твои друзья.

- Они ушли. Идем. Саша. Саша! – рявкнул Руслан. Наверное, он схватил ее за руку, и она закричала:

- Пусти меня! Пусти! Русик! Я не хочу домой, не хочу...

- Идем. Тут холодно. Замерзнешь. Не усложняй мне жизнь! Я и так на пределе. Хватит вести себя, как идиотка! Все, иди ко мне.

На этом связь оборвалась, однако спустя несколько минут от Руслана пришло сообщение: «Спасибо». И ни словом больше.

Не знаю, что с Сашей. Депрессия или какое-то расстройство. Но ей явно нужна помощь отца. А ее папочке плевать. Ненависть к Андрею только росла.

Я вышла из комнаты, чтобы попить воды. И когда проходила мимо полутемной гостиной, увидела маму и отчима – они сидели на диване в обнимку и смотрели какой-то фильм. Настоящая влюбленная парочка.

Когда я возвращалась обратно, услышала приглушенный голос Андрея:

- Раз ты все рассказала своей дочери, предлагаю завтра поехать по детским магазинам и присмотреть нашему сыну кроватку, коляску... Что там еще нужно малышам?

- Не рано еще? – спросила мама счастливым голосом.

- Ты ведь хочешь этого. Я знаю – хочешь. Так зачем откладывать? Возьму завтра отгул. Как тебе такой план?

- Хороший план, Андрюш!

Меня передернуло. Фразы «своей дочери» и «нашему сыну» резали слух.

Я легла в кровать. Перед сном пересматривала видео с Димой. И заснула с мыслями о нем.

Шторы в комнате я так и не распахнула – боялась увидеть, что в окнах Димы загорится свет. Мне не хотелось наблюдать за тем, как его квартира становится чужой. Душой я все еще находилась там.

Я находилась в прошлом.

На следующее утро я специально рано вышла из дома, чтобы не встречаться утром ни с мамой, ни с отчимом. Надела наушники и, включив плей-лист, состоявший из песен любимой группы, неспешно пошла в школу. Ноябрь был серым и унылым, снега еще не было, и тоска, что застыла в холодном воздухе, разъедала душу.

В школу я пришла одной из первых. Сидела на подоконнике, погрузившись в музыку и воспоминания. Здесь я больше не чувствовала себя в безопасности. Напротив, отовсюду ждала подвоха, ведь Малина объявила войну. Однако на уроках ничего необычного не происходило.

Глава 12. Перед грозой

В воздухе витало напряжение. За мной наблюдали – я чувствовала это, как никогда. Но молчали. Ничего не делали.

Никаких обидных слов, насмешек или издевок. Ничего. Только взгляды в спину. Их бросали в меня, словно кинжалы. Но боль от расставания с Димой была такой, что боли от этих взглядов-кинжалов я не ощущала.

Все началось перед последним уроком. На перемене я пошла в туалет, пока Дилара разговаривала с учительницей по поводу отвратительно написанной контрольной работы. И только вышла из кабинки, как натолкнулась на бывшую Димы – Вику. Ту самую, с которой видела их когда-то на балконе его квартиры.

Собранные в высокий хвост светлые волосы, прищуренные глаза, никакого дружелюбия на

лице. Она молча сунула мне записку в руки и ушла. Я с недоумением развернула ее. «Нужно поговорить в библиотеке после шестого урока. Это важно».

Ничего не понимая, я долго мыла руки под холодной водой. Что-то определенно происходит. Но что? Идти или нет? Библиотека не опасное место. Почему бы и нет?

Я вернулась в класс, снова почувствовав на себе взгляды, но стоило мне поднять глаза, как остальные опустили их. Дилара сидела на своем месте и переписывалась с кем-то. Я оставила ее одну в кабинете только потому, что знала – учительница проверяет контрольные и никуда не уйдет. При ней Малина и ее свора ничего не станут делать.

- Я пойду на свидание, - огорошила меня Дилара, едва я села рядом с ней.

- С кем? – удивилась я.

- С Ильдаром. Это сын маминой знакомой. Мы с детства знакомы. Он сейчас на втором курсе в медакадемии учится. Отличник, подает надежды и все такое, - торопливо объяснила Дилара. – Кажется, я ему нравлюсь.

- А он тебе?

- Не знаю, - пожала она плечами. – На самом деле, я хочу узнать у него об учебе в меде.

- Только это? – продолжала я.

- И хочу снова влюбиться, чтобы Лешу забыть, - призналась Дилара. – Я дура, да?

- Вовсе нет, - улыбнулась я и потрепала подругу по волосам. А потом поняла, что точно так же часто делал Дима.

Я перенимала его привычки. Постепенно становилась таким же, как он. И мне нравилось это. Таким образом я могла быть чуть ближе к нему.

- Любить больно. Надеюсь, у тебя получится его забыть, - сказала я. И Дилара вздохнула в ответ.

Этот Ильдар заехал за ней после школы. Оказывается, он уже водил машину – знакомые мамы Дилары тоже были людьми обеспеченными.

Проводив подругу взглядом, я вернулась в школу и пошла в библиотеку, где меня ждала Вика. Я надеялась, что это не ловушка вроде той, когда тебя зовут на разговор, а в итоге нападают, заманив в укромное местечко. В библиотеке всегда находятся люди. Там поймать меня не удастся. А в школьных коридорах установлены камеры.

Диларе я ничего говорить не стала. Знала, что она сорвется с этого своего свидания и пойдет со мной. Я все решу сама. А она пусть пытается забыть своего Леху.

Я вошла в библиотеку, в которой, казалось бы, еще недавно получила книги, которые Дима помог мне донести до квартиры. Это воспоминание стало словно удавка на шее – затянулась, заставляя начать задыхаться от боли. Но я все же сумела взять себя в руки. И в библиотеку вошла, уверенно расправив плечи.

Библиотекарша была на месте. Она смерила меня строгим взглядом и спросила, что нужно. Я в это время заметила в читальном зале Вику – она сидела за одним из длинных столов, лениво листая какую-то книгу. Поэтому сказала библиотекарше, что хочу поработать над домашним заданием в зале. Ученики так иногда делали – сидели в обычном читальном зале или уходили в компьютерный, где можно было занять компьютер и заходить в интернет.

Я села за тот же стол, что и Вика, только не рядом, а напротив. Она подняла на меня глаза и поджала губы.

- Ты опоздала. Я тебя уже десять минут жду.

- Что ты хочешь? – прямо спросила я.

Она вдруг захлопнула книгу, которую листа. Это была энциклопедия про ведьм, и это почему-то развеселило меня.

- Я тебя ненавижу, - выдала Вика.

На моем лице появилась улыбка. Я забрала ее книгу и открыла ее. Забавные иллюстрации.

- Ты для этого меня позвала? – спросила я, перелистывая страницы. - Чтобы поделиться чувствами? Они не взаимны. Мне на тебя плевать.

- Думаешь, крутая? – прошипела Вика.

- Это ты так думаешь. Не я.

- Кто ты такая? – еще больше начала закипать она. - Сначала Барс. Теперь Игорь. Ты бессмертная, что ли?

- При чем тут Игорь? – едва не закатила я глаза к потолку.

- Я знаю, что ты с ним общаешься. Вы из одного города. Друзья детства. Только его ты не получишь, детка. – Взгляд Вики горел огнем. – Второго парня ты у меня не заберешь.

Она сказала это громче, чем нужно, и библиотекарша повернулась в нашу сторону с недовольной миной на лице. Прямо как кукла из «Игры в кальмара», готова убить.

Вика тотчас замолчала.

- Ты его бросила, не помнишь? – тихо усмехнулась я. – Изменила и бросила. Теперь опять к нему прибежала? Надеюсь, Игорь послал тебя на три буквы.

- Это не твое дело, - поморщилась Вика. – В наших отношениях были временные трудности. Не смей встречать.

Идиотка.

- Если это все, что ты хотела мне сообщить, то я пойду.

Я встала, но Вика попросила меня сесть.

- У меня есть кое-что для тебя, - прошептала она и на всякий случай огляделась по сторонам. В читальном зале никого, кроме нас и библиотечарши не было.

- Что?

- Это инсайдерская инфа. Я дам тебе ее в обмен на то, что ты отстанешь от Игоря. Я хочу к нему вернуться. Но ты не должна меня слить, Туманова.

- Договорились. Давай свою инфу, - легко согласилась я.

Вика снова оглянулась по сторонам.

- Малиновская и ее подружки готовят кое-что. Без понятия, что именно. Но тебя хотят поймать вне школы. Так что будь осторожна. А может быть, надавят через подружку. Ту, черноволосую.

Когда она говорила это, я открыла страницу с изображением шабаша. Забавное совпадение.

По рукам пробежал мороз. Вот как. Поймать вне школы.

- Малина считает, что ты ее унизила. И хочет вернуть себе титул королевы школы. Хотя, конечно, он занят мной, - улыбнулась Вика. – Имей в виду.

- Поняла. Спасибо, - медленно кивнула я, переваривая информацию.

- Я об этом тебе не за спасибо рассказываю. Не смей приближаться к Игорю. Он мой.

- Думаю, Игорь сам решит, чей он. Но будь спокойна, Игорь для меня всегда будет оставаться другом детства.

Вика смерила меня подозрительным взглядом и встала из-за стола.

- Ты не скучаешь по нему? – зачем-то спросила я.

- Что? – не поняла она.

- Ты не скучаешь по Диме? Вы же встречались какое-то время.

Ее лицо стало будто каменным, а в глазах, которые излучали уверенность, появилась

растерянность. Она вновь села напротив и ее пальцы забарабанили по столу.

- Может быть. Я обиделась, когда он променял меня на тебя. Никто никогда так не поступал со мной. Но я не хотела, чтобы Барс умирал. Меня радует только то, что его не стало до того, как я окончательно потеряла от него голову, - вдруг призналась Вика. – Не знаю, как ты это переживаешь. Я тебя ненавижу, и в то же время мне тебя жалко. Странное чувство. Знаешь, я долгое время пыталась проанализировать, с какого момента я тебя ненавижу.

- И с какого же? – любопытствовала я.

- С того, как ты стояла на балконе и снимала нас на камеру, - выдала Вика. – Потом ушли в комнату, целовались, а Барс все время поворачивался к окну. Как будто снова хотел увидеть тебя. И тогда я подумала: «Почему он все время смотрит на окна этой девки?» Ладно. Какая теперь разница. Ходи с оглядкой, Туманова. Малина и ее девки тебя ненавидят гораздо больше, чем я. И не смей общаться с моим Игорем!

С этими словами Вика снова встала и, покачивая бедрами, ушла.

Какое-то время я неподвижно сидела и прокручивала в голове наш странный разговор. А на глазах вновь наворачивались слезы. В какой-то момент их стало так много, что я не выдержала и ушла к стеллажам. Затерялась среди книг и беззвучно плакала. А успокоившись, пошла домой, то и дело оглядываясь по сторонам.

Перейдя дорогу, я увидела розу – длинную, почти в мой рост, но с поломанным стеблем.

Она лежала на холодной земле, и на алые лепестки падали хлопья белого снега. Первого в этом году снега.

Роза умирала под этим снегом.

Леха пришел к старой школе, прогуляв новую. Ему до сих пор не верилось, что их с Валом выгнали. Хотя это было ожидаемо. Нет Барса и его отца – нет и никакой защиты. Они с Валом из обычных семей, попали в школу по прописке, а не по связям. А мать Есина хотела хоть как-то отомстить за унижение по вине Сперанского.

Мать Лехи хотела пойти к директору разобраться. Ее не устраивало, что сына выгоняют середине учебного года. Но он не дал. Понимал, что ее визит к Дамблдору ничего не изменит. К тому же в школе учится еще и младшая сестренка. Ей нужно было закончить ее – сто пятая школа славится на весь город. Считается элитной. У выпускников больше шансов поступить в хороший универ. А мелкая должна поступить. Она умная. Ей нужно попасть на бюджет – мать не потянет платку.

К старой школе Леха пришел не из чувства ностальгии. Ему вообще было плевать, где учиться. Он пришел сюда из-за Дилары, которую не мог забыть. Леха до сих пор не понимал, что произошло на вписке у друга. Ничего не помнил. И чувствовал себя виноватым.

Леха пытался поговорить с бывшей, и та выдала, что он к ней приставал. А она не могла противиться. Ведь до сих пор любит его и все такое.

Он ненавидел предательство. Все мог простить, кроме него. И понимал, что Дилара точно его простить не сможет. Это ведь полная жесть – он ей изменил, по ходу! И сам этого не помнит. А она об этом узнала. Увидела какие-то фотки и все поняла. Что за фотки, Леха, правда, сам не знал. Бывшая лишь пожимала плечами. И тогда он решил узнать об этом напрямую у Дилары. Подумал, что нужно встретиться еще раз. И еще раз поговорить – без эмоций. Понять, что произошло.

В голове вновь и вновь всплывала переписка с Полиной.

«Знаю, что это не мое дело, но... Может быть, ты попробуешь вернуть ее? Она страдает по тебе».

Хотя бы попробуй. Вот что она сказала.

Он должен попробовать. Переступить через себя, через страх, гордость и отвращение к самому себе. И попробовать.

Может быть, он и раньше бы попробовал. Но произошедшее с другом полностью выбило Леху из колеи. Он все еще приходил в себя.

И все сильнее скучал по Диларе.

В этот день Леха решился поговорить с ней. Даже тренировался перед зеркалом, что будет говорить и как. Он чувствовал себя ущербным придурком, но понимал – не сделает этого, будет жалеть всю жизнь.

Так странно. Чем дольше он не виделся с Диларой, тем сильнее понимал, как она ему дорога.

Была ли это любовь?

Он не знал.

Хотел узнать.

Леха даже розу купил. Не обычную, а длинную, высотой в человеческий рост. Подумал, что Диларе понравится. Особенный цветок для особенной девушки.

С этой розой он, как дурак, подошел к школе. Но не стал заходить на ее территорию, не желая встретиться со знакомыми пацанами. Придется каждому ведь объяснять, зачем вернулся. А встал у дома напротив ворот, высматривая Дилару.

Его сердце замерло, когда он увидел ее. Девушка была без шапки, и с ее длинными черными волосами играл ветер. Она была одета в женскую школьную форму, поверх которой накинула куртку – даже не застегнула ее, лишь прижимала рукой.

Парню вдруг захотелось подойти к Диларе и сказать, чтобы застегнула куртку и надела шапку. Заболеет ведь. И он даже сделал несколько шагов в сторону школьных ворот. Однако вдруг увидел, что к ним подъезжает машина – черный «паркетник».

Из нее выбрался тип среднего роста в очках, который, увидев Дилару, радостно заулыбался. Он обнял ее и открыл дверь. Девушка что-то сказала ему и села на переднее сидение. Тип поспешил занять водительское сидение, и «паркетник» тронулся с места.

Лехе оставалось лишь проводить его взглядом.

Вот так. Он пришел к Диларе, а у нее уже был кто-то другой.

- Твою мать, - выругался сквозь зубы Леха и со злостью разломал розу. Бросил на землю и ушел, сунув озябшие руки в карманы.

Он ей точно не нужен. Быстро она нашла ему замену, его Диля.

Стоп. Уже не его.

Пошел снег.

Глава 13. Я сильнее тебя

Это произошло на следующий день, после уроков.

В школе все было также, как вчера – взгляды и молчание. И напряжение, витающее в воздухе. Как сказала Дилара, было так тихо и душно, словно перед грозой.

Гроза прогремела тогда, когда ее никто не ждал.

Мы с Диларой вышли из школы. По дороге она снова рассказывала о неудавшемся свидании с тем самым сыном приятельницы ее мамы.

- Этот Ильдар... Он хороший. Симпатичный, умный, заботливый. Цветы подарил. Мечта, а не парень. Только меня к нему не тянет. Искры нет. Когда он брал меня за руку, хотелось одернуть ее. Когда попытался поцеловать в щеку на прощание, я отшатнулась. Почему так, Поль? Все время думаю о Леше. И говорю все время о нем. Извини, я тебе надоела, все ною и ною, - выдохнула подруга. Выглядела она поникшей.

Я положила на ее плечи руку.

- Не надоела. Тебе больно и ты делишься своей болью. Это нормально. Я всегда тебя выслушаю. Для чего еще нужны друзья? Не для того же, чтобы только веселиться вместе.

- А ты почти ничего не говоришь, - нахмурилась Дилара обнимая меня в ответ. – Тебе ведь тоже больно. Я знаю. Чувствую.

О Диме я действительно по большей части молчала. Не могла говорить. Одно его имя – и я начинала плакать.

- Не могу, - едва вымолвила я. – Может быть, потом...

Мы остановились у перекрестка, где Диларе нужно было поворачивать в одну сторону, а мне – в другую.

- Все будет хорошо, - уверенно сказала ей я. – У нас обеих. Помнишь о том, что я тебе говорила?

- Помню, - кивнула подруга.

- Будь осторожна. Если что, ты знаешь, что делать.

- Знаю. Мы справимся, Полин!

Мы попрощались и разделились – я пошла к репетитору по обществознанию, а Дилара – к репетитору по биологии. После расставания с Лехой она еще решительнее взялась за учебу. Ей не хотелось быть душой. Правда, и в мед поступать тоже не хотелось.

Я вышла с занятия спустя полтора часа и почти тут же получила сообщение от Дилары:

«Нам нужно встретится, прямо сейчас. Кое-что произошло на Точке, ты мне очень нужна».

А следом шел стикер с плачущим зайчиком.

Мое сердце бешено застучало. Я глубоко вдохнула, выдохнула, сделала важный звонок. И, сунув телефон в карман и побежала по дороге. До Точки, той самой заброшенной стройки, было не так уж и далеко, и можно было дойти за пятнадцать минут, но я не хотела медлить. Мне нужно попасть туда, как можно быстрее.

Я бежала изо всех сил, и рюкзак бил меня по спине, но я не обращала внимания. Изредка я останавливалась, чтобы отдышаться и начать бег заново.

До Точки оставалось не так уж и далеко. Здание школы уже осталось за спиной, и мне нужно было пройти несколько дворов, чтобы попасть на заброшенную стройку, которая пряталась за забором от посторонних взглядов.

Я знала, что меня ждет. И кто.

Перед входом меня вдруг остановили – кто-то дернул за плечо, и от неожиданности я вздрогнула. Это был Есин, который то и дело оглядывался.

- Не ходи, - тихо сказал он и нервно облизал губы. – Не ходи туда.

- Почему? – спросила я, не понимая, зачем Есин говорит мне это.

- Они тебя ждут. Малина пипец какая злая. Ты просто так не уйдешь, Туманова.

- Знаю, - улыбнулась я. – Но зачем?

- Что? – нервно переспросил Есин.

- Зачем ты мне это говоришь?

- Да стремно мне перед тобой, - отвел взгляд одноклассник. – Все, не ходи. Я предупреждал.

Больше, ничего не говоря, он ретировался. А я включила диктофон на телефон, сунула его в карман, и пересекла территорию Точки.

Я понимала, что сообщение Дилара написала не просто так. И что она по своей воли не пошла бы в это жутковатое место с многометровыми сваями, торчащими из земли.

Ее заставили. Сделали приманкой. Хотели, чтобы я все-таки пришла сюда.

Когда Дима учил меня самообороне, то часто говорил: «Лучшее средство спастись – это убежать. Без шуток. Тебе будет тяжело справиться даже с одним мужиком. А если их несколько – вообще без вариантов. Поэтому, если что, просто беги. Поняла?»

Тогда я смеялась, тая от прикосновений, и говорила, что поняла.

Но сейчас не следовала этому совету.

Не бежала.

Я больше никогда не буду бегать. Ни от кого.

Их было человек двадцать, если не больше. Малина, ее свора – девицы из нашего и параллельных классов, какие-то парни, большая часть которых казалась мне незнакомой. Кто-то громко разговаривал, кто-то ржал, кто-то пил пиво. У кого-то играла колонка с четкими битами рэпа.

Малина сидела на груде кирпичей рядом с каким-то лысым парнем, а Егора Власова нигде не было. Неподалеку стояла Дилара в окружении подружек Малиновской. Она была белой, как мел, ее губа была разбита до крови, на скуле красовался подтек, а юбка была порвана. Однако Дилара не выглядела испуганной. Напротив, задрала подбородок. Гордая.

Дилара первой увидела меня, и не выдержала – в ее глазах заблестели слезы. Я улыбнулась ей, словно говоря, что все хорошо. И сжала кулаки.

- О-о-о, кто пришел! – заметила меня Малиновская и лениво встала. – Сама крыса! Народ, поприветствуйте крысу!

Все вокруг тотчас замолчали и повернулись ко мне. Кто-то заулыбался, кто-то, напортив, посерьезнел, рассматривая меня.

- А она так ниче, - заметил какой-то неприятного вида парень, разглядывая меня, как картинку из журнала для взрослых. С тем же самым интересом, будто прикидывая, какая я без одежды.

- Эй, может с нами повеселишься, малая? – подхватил его друг с сигаретой в руках. – Я тебя не обижу, если послушной будешь!

Урод.

Его дружки грохнули. Какие-то девицы заржали словно гиены. Они и были гиенами. Стая гиен, которая ждала, когда тигр порвет жертву – тогда можно будет наброситься на нее и растерзать на части.

Только настоящие гиены делали это для того, чтобы утолить голод. А они – чтобы не стать следующей жертвой.

- Так че, как я тебе? – не отставал парень с сигаретой. – Хочешь стать моей подружкой, а? Я могу быть нежным!

- Пошел ты, - показала я ему средний палец.

Он скривился, а его друзья грохнули снова.

- А ты смелая, крыса. Посмотрим, как долго смелой будешь! – выкрикнул он и хотел было подойти ко мне, но Малина остановила его.

- Дай мне сначала с ней поговорить. Потом ты, ок?

- Ну ок, - сплюнул парень.

- Что ты хотела? – спросила я громко, не сводя с одноклассницы злого взгляда. Кажется, я даже почти не мигала – смотрела на нее в упор и чувствуя, как колотится сердце. Не из-за страха, а из-за ярости, что жила во мне.

- Подружка-то тебя слила, - сказала Малина, с любопытством глядя на меня. – Это я сказала ей написать. Мы ее поймали, притащили сюда. И решили, что и ты, крыса, должна прийти. И знаешь, твоя подружка сразу согласилась. Даже не спорила. Испугалась, что мы ей личико попортим.

- И не только личико! – выкрикнул еще какой-то парень. Он опустил вульгарную шутку, и гнев сменило отвращение.

Как такие, как этот подонок, спокойно живут на свете?

Я перевела взгляд на Дилару, и она сглотнула. Я снова улыбнулась ей.

Все хорошо. Я с ними справлюсь. Мы справимся.

- Так что, крыса, не обидно? – продолжала Малиновская.

Она чувствовала себя уверенно. И эта уверенность породила безнаказанность. Лица не первый раз самоутверждалась за счет других людей, при этом зная, что мать-завуч прикроет ее. Власть вскружила ей голову. Но зря. Ей не стоило связываться со мной.

- Ты слышала мой вопрос? – холодно спросила я, взяв себя в руки. – Я спросила, что тебе нужно?

- А сама как думаешь? – Малина склонила голову на бок.

- Без понятия. Отпусти Дилару. И мы уйдем.

Она расхохоталась.

- Ты реально такая тупорылая? Или прикидываешься? Мне нужно тебя наказать, Туманова. За то, как ты себя вела. Думала, можешь унижать меня, прикрываясь Барсом? Только Барса больше нет. Кто тебя теперь защитит? Кто?

Малиновская совсем потеряла берега и приблизилась ко мне так, будто хотела обнять. Она явно копировала кого-то из парней – они часто так делали на разборках.

- Кто? – повторила Малина издевательским тоном. – Ты теперь одна, крыса.

- Сама себя защищу, - усмехнулась я, продолжая смотреть ей в глаза.

Ярость полыхала во мне, словно костер. Уверена, в моем взгляде отражались искры. А страха все так и не было – я чувствовала себя натянутой стрелой, которая вот-вот должна была сорваться и вонзиться в цель.

Моей целью была Малина.

- Серьезно? – прищурилась она. – Крыса, ты реально настолько поехавшая? Камон, как ты себя защитишь? Ты никто. Слабая тварь. Жила спокойно только из-за Барса.

- А Барс подох, - выдал кто-то из толпы. И я поняла – Малина собрала его врагов. Тех, которые ненавидели его. Но боялись. Ведь он был сильнее – а в их мире сила решала.

- Еще раз – что ты хочешь? – спросила я, проглотив слова про Диму. Они пожалеют. Они все пожалеют.

- Короче, либо ты встаешь на колени и умоляешь меня простить тебя. Либо тебе и твоей подружке будет очень плохо.

- Мы постараемся, крыса! – радостно выкрикнула одна из ее подружек, с камерой наготове. Она снимала то, как меня били в прошлый раз. Но тогда Дима велел избавиться от ее телефона, и Малина сделала это лично – так боялась его.

- Проси так, чтобы я подобрела. Умоляй. Лижи мою обувь.

- А если не стану? – спросила я, пытаюсь потянуть время.

- Кто знает, что будет тогда? – пожала она плечами. – Может быть, парни повеселятся с твоей подружкой. Или с тобой.

Услышав это, Дилара всхлипнула.

- Прикинь, какие видосы получатся? – подхватила другая подружка Малины. - А может быть, мы тебя просто побьем. Не знаю, все зависит от того, как ты будешь меня умолять.

- У тебя ведь мама завуч в нашей школе. Не боишься ее подставить своим поведением? – спросила я Лику.

- Мать всегда меня прикроет, крысятину. Не волнуйся.

Я глянула на наручные часы.

- Кого ждешь? – усмехнулась Малина. – Барса? А, извини, забыла, что он умер.

Снова смех – громкий, злорадный. И снова ярость – она билась в висках, будто пульс.

- Ну же, давай, умоляй, уродка! – закричала подружка с камерой. Эти слова стали командой – свора Малиновской набросилась на меня. Кто-то схватил меня за волосы, кто-то стал бить по спине и бедрам. Слыша крик Дарины, которую держал какой-то придурок, я закрыла голову от ударов.

- Перестаньте! Не трогайте ее! Не смейте!

Боль. Удар. Еще удар. Еще. Вкус крови на губах.

Пожалуйста, пожалуйста. Они должны успеть.

- Хватит! Хватит, я сказал! – раздался вдруг мужской голос – до того, как я успела получить серьезные травмы.

- Хватит! – подхватила Малина тут же.

Меня оставили в покое, и я словила чувство дежавю. Однажды меня уже спасали от побоев.

И тоже парень.

Только тогда это был Дима Барсов. А сейчас... Руслан. Или Лайм, как его называли все остальные.

Он стоял напротив, тяжело дыша, а за его спиной маячил перепуганный Власов, какой-то кудрявый тип и еще несколько незнакомых парней.

- Какого черта? Вы что творите? – сквозь зубы процедил Руслан, глядя на меня. Его взгляд казался странным. Глаза широко распахнуты – в них плещутся страх и гнев. И, кажется, боль.

- Это еще что за хрен нарисовался? – раздался непонимающий мужской голос – тот самый парень с сигаретой.

- Помолчи, - прошипела Малина. Она знала Руслана. И почему-то пресмыкалась перед ним.

- Лайм, что случилось? - нервно спросил Власов. – Разве тебе не...

- Заткнись! – выкрикнул Руслан.

В это время Дилара вырвалась и подбежала ко мне. Плача, помогла встать.

- Ты в порядке? – спросила она со слезами.

- Да. А ты? – прошептала я.

- В полном. Зачем, Полин?

- Все хорошо.

Мы взялись за руки, и в это же время на Руслана кинулся парень с сигаретой. Я и глазом моргнуть не успела, как завязалась драка между теми, кто пришел с Русланом, и теми, кто ждал меня с Малиной. Девушки не участвовали – только парни. И это было жестко. Наверное, только тогда я почувствовала страх.

Мы с Диларой хотели убежать, но не успели – наконец, приехала полиция.

Подруга не сливала меня, как сказала Малина. Она знала, что я приду и спасу ее. Вчера мы долго разговаривали с ней по телефону, и я рассказала о том, что сообщила Вика – про Малину и ее месть. Мы придумали кодовое слово. Если одна из нас скажет его, значит, вторая поймет, что она в опасности и вызовет полицию. А еще придумали кодовый стикер – того самого плачущего зайчика. Наш тайный символ опасности.

Когда Дилара прислала то сообщение, я все поняла. Вызвала полицию, наговорив какой-то чуши и молясь, чтобы они приехали. И побежала к подруге.

Полиция приехала, хоть и с опозданием. И я намеривалась отдать им запись, сделанную на телефон.

Я долго думала, что делать. И в итоге пришла к решению, что только вмешательство взрослых поможет мне обезопасить себя и Дилару.

Только вот откуда здесь взялся Руслан? Что вообще происходит?

Я не знала. Знала лишь то, что сильнее, чем Малиновская. не физически. Морально.